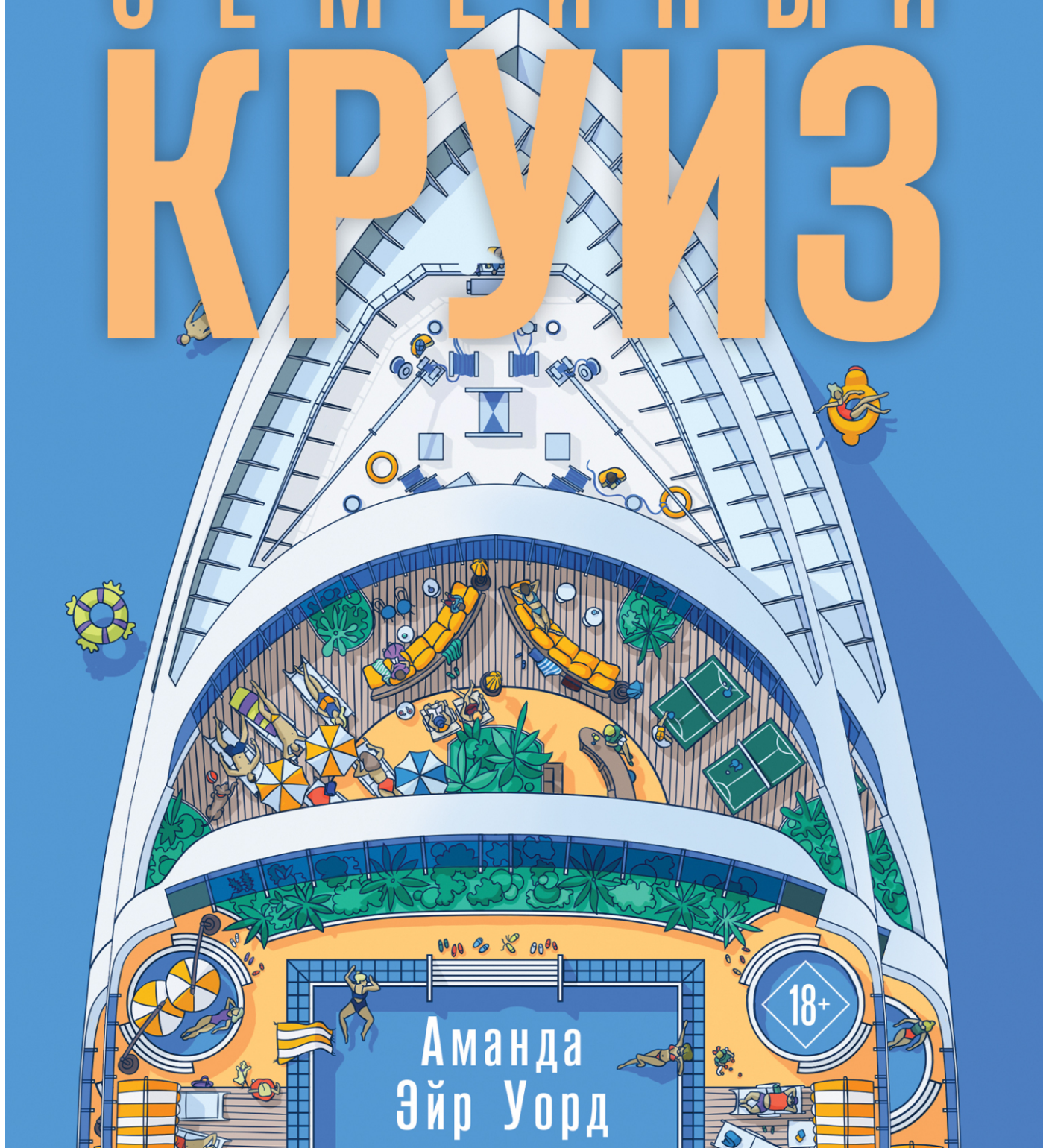

INSPIRIA

Этот роман полон черного юмора и сочных
подробностей маршрута героев. People

СЕМЕЙНЫЙ КРУИЗ

INSPIRIA

Novel. Истории одной семьи

Аманда Уорд

Семейный круиз

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Уорд А. Э.

Семейный круиз / А. Э. Уорд — «Эксмо», 2020 — (Novel.
Истории одной семьи)

ISBN 978-5-04-158143-5

«Примите наши поздравления! Рейс первым классом». Семидесятилетняя Шарлотта Перкинс не верила своим глазам. Ее история выиграла в конкурсе «Путешествуй по миру», а значит вместе с семьей Шарлотта проведет десять дней на борту шикарного круизного лайнера. Живая музыка, освежающие коктейли, изысканные блюда и лучшие европейские пляжи – все это будет доступно семейству Перкинс. Главное - не перессориться. Ведь у каждого теперь своя жизнь, давние обиды и куча скелетов в шкафу. Афины, Родос, Валетта, Сицилия, Неаполь, Рим, Флоренция, Марсель. Добро пожаловать на борт! Бестселлер NEW YORK TIMES. Выбор книжного клуба Риз Уизерспун. Лучшая книга для пляжного чтения по версии изданий Parade и The Oprah Magazine. Публикация актрисы Риз Уизерспун о «Семейном круизе» собрала 87 000 лайков и 475 комментариев в течение пяти часов после публикации. Идеей для романа послужила поездка Аманды Эйр Уорд с семьей на круизном лайнере. Именно поэтому все описанные события так правдоподобны. «Семейный круиз» — это роман о том, как по-разному сложились судьбы женщин одной семьи. «Самый смешной роман, который когда-либо разбивал ваше сердце». — Эндрю Шон Грир, лауреат Пулитцеровской премии. «Весело, сексуально и очень увлекательно». — Элин Хильдебранд «Этот роман полон черного юмора и сочных подробностей маршрута героев». — People.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-158143-5

© Уорд А. Э., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Пролог / Хилтон Хед Айленд[1], 1983	7
Часть 1	9
1 / Шарлотта	9
2 / Корд	15
3 / Реган	18
4 / Ли	21
5 / Шарлотта	25
6 / Корд	28
7 / Реган	32
8 / Ли	35
9 / Шарлотта	39
Часть 2	42
1 / Шарлотта	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Эйр Уорд Аманда Семейный кризис

Amanda Eyre Ward

The Jetsetters

Copyright © 2020 by Amanda Eyre Ward

© Чулкова С., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2021

*Посвящается моему первому читателю и лучшему другу Смигу
Клайборну*

Пролог / Хилтон Хед Айлэнд¹, 1983

Большой портрет маслом, изображающий Шарлотту с детьми, был написан по фотографии, сделанной на побережье острова Хилтон Хед Айлэнд, на закате. Шарлотта хотела, чтобы вечер получился безукоризненным. Она заблаговременно уложила в сумку-холодильник пиво и стеклянные бутылки с кока-колой. Все были такие загорелые, светловолосые. Уинстон выступал в роли фотографа.

На портрете Шарлотта выглядит счастливой, но не то чтобы очень. Тут ей тридцать девять: стройная и смуглая, она сидит на одеяле в окружении своих троих детей. Светлые волосы Ли разметал соленый ветер. Корд в шортах из жатого ситца и белой футболке поло. И малышка Реган – босоногая, в легком сарафанчике.

Шестилетняя Ли старалась всем угодить, считывая настроение родителей (так читают книгу о привидениях, где на каждой странице тебя поджидает опасность). Весь день Уинстон просидел в спальне арендованной виллы, без конца смолит и смотрел телевизор. И хотя перед уходом он заранее принял душ, резкий запах не выветрился. Ли раньше думала, что самое плохое – это выходные, когда папа дома. Но она ошибалась.

Из-за солнца кожа ее вся горела, хотя Шарлотта намазала ее липким соком алоэ. Все они часами гадали, когда же отец выйдет из спальни и будет ли он зол, безразличен или грустен. Шарлотта нервничала больше прежнего: она отчаянно хотела, чтобы выходные прошли на высоте, а Ли пыталась понять, к чему бы это. Всегда надежнее оставаться тише воды и ниже травы. Нужно выказывать радость от созерцания маяков и плоских морских ежей, от собирания ракушек. Если тебя ужалила медуза, просто тихо скажи об этом Шарлотте и не устраивай сцен, как бы больно тебе ни было. Вытряхивай песок из обуви, не заноси его в дом, не перечь, ничего не выпрашивай. Если тебе купили мороженое – ешь молча, чтобы ни капельки не пропало, даже если ты хотела мороженое с другим вкусом. И не вздумай испачкать одежду. Если ты попросила в «Морском Волке» куриные палочки, не будь свинюшкой: даже если они недожаренные, тарелка должна остаться пустой.

Ли очень старалась, но стоило ей освоить какое-нибудь новое правило, кто-то из малышей обязательно его нарушал. Понятно, что Реган совсем крошка, но сегодня днем она разревелась прямо в присутствии Уинстона. У Ли аж живот заболел, когда отец гневно прищурился. Находясь на линии огня его взгляда, Ли научилась превращаться в призрак. На всякий случай. Мысленно она улетала куда-нибудь подальше, где не так опасно. Но тогда некому было защитить четырехлетнего Корда и малышку Реган. Поэтому Ли прилетала обратно, кусая щеки изнутри и боясь даже пикнуть.

Корд тоже потихоньку приспособливался. Он больше не носился бегом вверх по лестнице, изображал радость от ловли крабов в компании Уинстона, но Ли видела ужас в его глазах, когда отец протягивал сыну куриную шейку, чтобы тот нацепил ее на крючок. Стояла жара. Корд, весь такой хрупкий, брал в руки краболовку, моргая и проглатывая слезы. Уинстон подбадривающе хлопал сына по спине, а Корд словно каменел. Взгляд отца блуждал по воде, будто он увидел вдали нечто душераздирающее.

Ли с отцом были ранними пташками и, держась за руки, шагали по дороге на пляж, чтобы встретить восход солнца. Песок был еще прохладным после ночи. Отец был с нею ласков – говорил про ее золотистые волосы и что она его звездочка. Но он говорил и странные вещи:

– Я правда стараюсь. – Он словно обращался сам к себе. – Я как в тумане, хочу, чтобы он рассеялся, но не знаю, как этого добиться.

¹ Город на одноименном острове в округе Бофор, Южная Каролина, США. (Здесь и далее – прим. перев.)

Ли тогда крепко обняла отца. Только через много лет она поняла, что он имел в виду. Но в то утро слова его звучали загадочно.

Пора было фотографироваться. Шарлотта нервно хихикнула и взбила волосы.

– Как я выгляжу, дорогой?

– Отлично. Вы все отлично выглядите, – сказал Уинстон. – Моя семья. Надо же.

Словно он и сам не верил, что это правда. Словно они были семьей из какого-нибудь кино, которое он бы рад похвалить, но не может. Корд уткнулся подбородком в колено Шарлотты, бесстрастно уставившись в камеру. Наверное, он тоже научился улетать мыслями куда подальше.

– Корд, что за несчастное лицо, – сказал Уинстон.

Корд заморгал, словно его разбудили. Малышка Реган смирно сидела у мамы на ручках. Шарлотта вздернула подбородок.

– Отлично, молодцы, – сказал Уинстон и шелкнул дорогим *Nikon*.

Реган ухватила своей пухлой ручонкой за палец Ли, а та дотянулась за спиной Шарлотты до Корда. По крайней мере у нее есть брат и сестра, подумала Ли. Уже поэтому она никогда не будет одинока. Ли вечно хотела все поправить в их семье: разобраться с отцовским «туманом», сделать так, чтобы папа не кричал на Реган с Кордом, и убедить маму, что ей не нужны комплименты, потому что она и так красивая.

– Ли! – сказал Уинстон. – Улыбнись как я люблю!

Ли лучезарно улыбнулась, чтобы отец мог ею гордиться. Сегодня и следующие два нескладных дня среди прибрежного песка, когда в воздухе пахло пивом, а стало быть, и несчастьем, – то был последний раз, когда Ли проводила так много времени в кругу своей семьи.

Все повторилось лишь тридцать два года спустя, когда все вместе они отправились в путешествие.

Часть 1 Багаж

1 / Шарлотта

Иногда Шарлотта подолгу стояла перед этим семейным портретом, что висел в ее кондоминиуме в городе Саванна, штат Джорджия, – висел над газовым камином, который она почти никогда не зажигала. На портрете ее волосы цвета жженой умбры в золотых переливах ниспадают мягкими волнами, обрамляя линию скул. На лице играет отстраненная улыбка Моны Лизы, притягательная своей непостижимостью. Люди обычно так не улыбаются. То была улыбка для зрителей, а не естественное выражение радости. И все же Шарлотта считала, что тут она хороша – лучше, чем когда-либо в своей реальной жизни. И уже тем более гораздо лучше себя сегодняшней, когда ей семьдесят один и каждый третий вторник мастер Ханна делает из нее платиновую блондинку а-ля Мэрилин Монро.

На похороны своей любимой подруги Шарлотта решила надеть простое черное платье. Как-то перед прогулкой Минни немного посмеялась над Шарлоттой, когда та прикупила в стоковом магазине розовый с отливом кардиган. В отместку Шарлотта надела именно его, довершив образ белой сумочкой от Коуч.

Сначала Шарлотта хотела, чтобы на похороны ее повезла дочь Реган, но ведь тогда придется выслушивать ее рассказы о борьбе с лишним весом, – так что Шарлотта отправилась на похороны на собственной машине.

Шарлотта и Минни не раз обсуждали тему гробов. Шарлотта говорила, что нечего лежать в открытом гробу и пугать людей, это даже неприлично, но Минни была другого мнения. Потому что лучше увидеть мертвое лицо, попрощаться с человеком и понять, что его больше нет. «Я принимаю реальность такой, какая она есть, – говорила Минни, – а ты пытаешься ее отвергать. Но рано или поздно реальность достигнет тебя все равно».

Наверное, сегодня и был тот самый день.

На негнущихся ногах Шарлотта медленно подошла к гробу. Она знала, что отец Томас приглядывает за ней, что он рядом, и была благодарна ему за это. Шарлотта посмотрела на мертвое лицо Минни, как та и хотела. Лицо подруги покрывал слишком толстый слой бронзера, но так было и при жизни Минни. Шарлотта много раз пыталась отговорить ее: «Минни, не перебарщивай с бронзером!» Но та ее не слушала и все делала по-своему. Минни была своенравной – за это Шарлотта и любила ее с тех самых пор, как они познакомились на утренней трапезе в церкви Сент-Джеймс (Минни как раз только переехала в Саванну). Блины были ужасно невкусные и политые дешевым сиропом. Минни тогда повернулась к Шарлотте и сказала: «Фу!»

Шарлотта молча опустила голову. Она считала себя слишком воспитанной, чтобы костерить церковные блины.

– Вы меня что, не слышите? – повторила Минни. – Блины – фу!

– Я вас прекрасно слышу, – пробормотала Шарлотта.

– А у вас зашибецкие брюки, – сказала Минни.

Шарлотта машинально огладила свою пятнистую юбку-брюки с леопардовым рисунком (туфли были в тон – тоже пятнистые). Да, *зашибецкие*.

Они обе были одиноки и вдвоем ходили на открытие выставок, пили вино по средам, когда были скидки, посещали кафе на воде. Катались по окаймленным магнолиями и зимнецветущими камелиями дорожкам курортных зон Маршвуд Пул и Франклин Крик Пул. У Минни имелся свой гольф-мобиль «Синий Демон» на сорок восемь вольт и с кожаными сиденьями. И вот прошло сколько? – двадцать лет, и Шарлотта состарилась, а Минни умерла.

– Дорогая, слишком много бронзера, – прошептала Шарлотта. Горло обдало жаром. – Хватило бы просто немного румян, я же тебе говорила, – мягко продолжила она.

Однажды, когда они «уговорили» на пару бутылку *Берфут шардоне*, Минни разрешила сделать себе макияж. Она уселась на стул перед зеркалом в ванной Шарлотты, и та начала колдовать. Намазала тональный крем, покрасила подруге ресницы, обвела губы контурным карандашом, нанесла помаду. Чтобы ресницы не торчали, она их немного подкрутила и растушевала кистью рассыпчатую пудру. Наконец, Минни открыла глаза. Пока она разглядывала в зеркале свой новый, усовершенствованный образ, Шарлотта прошла щеткой по ее волосам.

– Ну как? – поинтересовалась Шарлотта, подперев щеку рукой. – Скажи красotka?

– Чистая проститутка субботним вечером. – Минни покрутила головой, оглядывая работу подруги-профессионала.

– Сегодня среда, – уточнила Шарлотта, и обе они просто сложились от смеха.

Это было так здорово – смеяться, выключив внутренний «сторожок». Следующим утром, на рассвете, они отправились к лагуне встречать восход солнца. Без макияжа лицо Минни было чистым как у младенца. А через несколько лет дочь прислала ей на день рождения автозагар. Как всегда, Минни приходила на встречу в спортивных брюках, в козырьке от солнца, – но щеки теперь приобрели яркий морковный оттенок. Вечером Минни оранжевела от линии волос до линии декольте. Чем больше увещевала ее Шарлотта, – она даже купила ей в *T. J. Maxx*² тонированное солнцезащитное средство и жидкие румяна, – тем упорнее бронзовела Минни.

Шарлотта вспоминала, какие теплые были у нее скулы, если коснуться их пальцами, и как тихо вздыхала Минни от этого прикосновения. Но сейчас кожа ее была холодна как лед.

Народ, выстроившийся в очередь для прощания, ждал.

– Мадам... – Женский голос вывел ее из забытья. Шарлотта обернулась: это была какая-то посторонняя.

Когда она покинула римско-католическую церковь Сент-Джеймс, лил дождь. Молодой человек на крыльце предложил ей свой зонтик, но Шарлотта отрицательно замотала головой – она не любила ни от кого зависеть.

Шарлотта никак не могла открыть дверцу своего «Фольксвагена Рэббит». Дождь не утихал. Временами, сидя в своей квартирке, Шарлотта любила грозы Саванны. Но здесь, на парковке, ей вдруг стало страшно. От грома закладывало уши. Шарлотта мечтала поскорей добраться до дома, чтобы налить себе бокал холодного *Берфут шардоне* и выпить этот самый бокал. Теперь и не позвонить Минни, не посплетничать о ее собственных похоронах. Кто вообще нацепил на нее блузку с тюльпанами (Минни терпеть ее не могла) и юбку с отвратительно высоким поясом?

У Минни было двое детей: вечно неустроенный сын и разведенная дочь. Оба они проживали в Нью-Джерси – именно туда сбежала Минни после смерти мужа. Приглашение на поминки пришло Шарлотте по электронной почте. Поминки должны были проходить в домике Минни – сразу после похорон «нашей дорогой и любимой мамочки». Шарлотта удалила это сообщение. Смотреть, как Минни опускают в землю, было невыносимо, и еще Шарлотта обиделась за подругу, что ее дети не стали утруждать себя приглашениями на открытках. Впрочем, Минни было бы все равно. Но ей-то, Шарлотте, нет! Электронное приглашение – какое свин-

² Американская розничная сеть магазинов.

ство! Ее подруга заслуживала лучшего – красивых открыток, бледно-розовых или цвета яичной скорлупы, написанных от руки каллиграфическим почерком, и чтобы бумага была достаточно плотной.

Интересно, знают ли ее собственные дети, что она предпочла бы приглашения на похороны в виде открыток и что поминки лучше провести в Маршвуде? Надо будет сказать об этом Реган – та не забудет. Стоя под дождем, Шарлотта вдруг почувствовала благодарность к своей располневшей заботливой дочери. Все-таки нужно быть с ней добрее.

Электронный брелок разрядился еще несколько месяцев назад, Шарлотта точно знала, что вставляет ключ правильно, а дверь все равно не открывалась.

– Миссис Перкинс! – окликнул ее молодой человек с зонтом. – Позвольте, я помогу вам! Эх, вот бы прыгнуть в машину и уехать.

– Я помогу, – повторил молодой человек и быстрым шагом пересек парковку, оставаясь сухим под своим огромным зонтом.

– Миссис Перкинс... – Прямо весь изошел на сочувствие. Он видел перед собой всего лишь престарелую леди, промокшую до нитки. Знал бы он, что когда-то Шарлотта была сногсшибательно красива, да и сейчас, глубоко внутри, она оставалась все такой же очаровательной девушкой из *богеми*. Оттого старость и унижительна, что другие видят тебя такой, какой ты не хочешь себя видеть. Можно с этим смириться, можно возмущаться, а можно прикинуться, что все это неправда. Шарлотта болталась где-то между смирением и упрямым неприятием своего возраста и считала себя достаточно элегантной (да и уставшей тоже), чтобы делать подтяжки лица, в которые так свято верила ее знакомая Грир.

– Дайте же я вам помогу, миссис Перкинс, – снова повторил молодой человек и взял у нее из рук ключ. Она больше не стала спорить. – Почему вы не воспользовались моим зонтом? – с мягким упреком добавил он.

Когда она села в машину, юноша замешкался и сказал:

– Я знаю, что вы были очень близки с миссис Робинс. Прямо две кумушки. Вы так мило сплетничали после мессы.

В Шарлотте вдруг проснулась неприязнь к этому наодеколоненному, гладковыбритому юноше. Две кумушки? Еще скажи – две выжившие из ума старые карги. Такие глупые соболезнования ей не нужны. Но самым ужасным было то, что этот наглец жив, а добрая, острая на язычок Минни умерла.

– Мне действительно жаль, – повторил юноша.

– Спасибо, – ответила Шарлотта.

Наконец-то он захлопнул дверь и тем же бодрым шагом вернулся на церковное крыльцо. Шарлотта закрыла глаза. Дождь барабанил по стеклу.

Заведя мотор, она сосредоточилась на дороге. Сначала она объехала площадь Тайдуотер – здесь однажды Минни заставила Шарлотту остановить гольф-мобиль и *целую вечность* любовалась на птичку мухолова с хвостом, похожим на щелкающие ножницы. Затем Шарлотта свернула направо на Бренденберри: в том месте, где несколько лет назад Минни заехала на лужайку, трава до сих пор отличалась по цвету. И еще один поворот направо – на аллею Борз Нест. Дубовые ветки качались на ветру вместе с нависшим на них испанским мхом. Неотвязно мучил один и тот же вопрос.

И что же теперь?

Этот сердечный приступ, неожиданно случившийся с Минни вечером (хотя прежде у нее не было никаких проблем с сердцем – уж Шарлотта бы *точно* знала об этом, ведь Минни рассказывала про все свои болячки, иногда даже чересчур откровенно), свидетельствовал о том, что Шарлотта может оказаться следующей. Кто знает, сколько ей еще отмерено? И хочет ли она оставаться тут, если Минни уже там? И если она не хочет доживать свое время в отгороженном

забором комьюнити на краю Саванны, то куда податься? Никто из детей не слал ей не то что открыток, а даже имейлов с приглашением погостить.

Ну да, ее дети.

Грустное и ошеломляющее открытие: трое взрослых детей Шарлотты, казалось, были потеряны не только для нее, но и для самих себя. А ведь так тяжело было выживать без мужа. Нужно было найти работу, привести в божеский вид арендованный домик, обклеив его обоями от Лоры Эшли, нужно было отбиваться от вопросов – что же на самом деле случилось с Уинстоном? Но при всем при этом Шарлотта скучала по тем временам. Вместе с тремя своими детьми она ютилась в крошечном домике в колониальном стиле – с одной на всех ванной, в которой вечно протекал душ. Тогда еще Шарлотта не понимала, что быть рядом друг с другом – это уже само по себе награда.

Трудно было поверить, что они съехали оттуда, где собирались вместе вечерами, где каждый знал про любимый завтрак другого. Вот что они сейчас едят по утрам и едят ли вообще? Маленький Корд любил скорого приготовления овсянку с яблоками и корицей, присыпанную горсткой сахара. А Реган настолько обожала пончики, что Шарлотта ставила будильник на пять сорок пять утра, чтобы перед работой сбежать в «Пабликс»³ за свежим горячим пончиком в глазури для своей любимой доченьки. Реган входила сонная на кухню в своей фланелевой ночнушке и хватала пончик: «Мамочка, он еще теплый...» И Шарлотта сразу забывала, как тяжело дается ранний подъем. Ли предпочитала молочные коктейли «СлимФаст» – она сама их делала перед школой, просыпая на стол сухой порошок, оставляя в спешке чашку с коричневой пеной на кромке. Сама Шарлотта обожала щедро намазанные сливочным маслом английские булочки с тремя-четырьмя чашками кофе.

Вернувшись домой, Шарлотта сняла траурное платье, переодевшись в уютные белые брюки, бело-розовый с отливом полосатый топ и розовые сандалии. Лет пять назад отец Томас неожиданно заглянул к ней вечером – вот и сейчас Шарлотта не хотела, чтобы ее застали врасплох. Она подготовила на ужин крекер «Трискит», нарезку сыра чеддер, шардоне и немного перекусила под передачу «20/20»⁴, в которой говорилось, как современная молодежь расслабляется, принимая галлюциногены. Не перебор ли это, когда на свете есть шардоне или «Пино Гриджио»⁵. Выложив на стол десерт (мятная шоколадка и шардоне), Шарлотта помыла посуду и переместилась в комнату, чтобы посмотреть какой-нибудь старый фильм. Ее сиамская кошечка сразу же свернулась клубком у нее на коленях.

Блаженный вечер струился под шардоне и урчание Годивы. Когда дети только разъехались, каждый вечер был сущим мучением, и Шарлотта ставила себе в заслугу, что научилась жить в одиночестве. Но Минни – Минни никогда больше не заскочит на глоток вина, и никогда больше они не встретятся на улице, чтобы совершить утреннюю прогулку вокруг лагуны, Минни больше никогда не позвонит посреди передачи «20/20», чтобы срочно высказать свое мнение о том-то и о том-то. Шарлотта снова оказалась в пустой квартире, когда время медленно и неумолимо движется ко сну. Никому, кроме разве что отца Томаса, не было дела, во сколько она ложится. И никто, кроме него, не ждал ее по утрам к мессе. Ужин с крекерами – какое убожество.

Шарлотта щелкнула пультом, переключившись на канал «Тернер Классик». На экране появилось красивое мужское лицо. «Я здесь для того, – сказал он, – чтобы объявить о начале уникального конкурса. Но прежде позвольте спросить вас: вы *хотите* путешествовать по миру?»

Бокал вина замер на полдороге к губам Шарлотты.

³ Американская сеть супермаркетов.

⁴ Американская новостная телепередача, созданная в 1978 г.

⁵ Итальянское белое сухое вино.

«О чем ваша история? – продолжил мужчина. – О любви? О приключениях? Как бы то ни было, у вас появляется шанс *рассказать нам свою историю* и поехать в круиз!»

О, у Шарлотты имелась история, способная взять первый приз. Откинувшись на подушки своей лимонно-желтой софы и отпивая мелкими глотками вино, она смотрела, как на экране сменяют друг друга картинки европейских достопримечательностей: Колизей, Акрополь и солнечный пляж, утыканный зонтиками в сине-белую полоску.

Победитель конкурса «Путешествуй по миру» получит билеты первого класса до Афин, откуда начнется девятидневный круиз аж до самой Барселоны. Хм. Первый класс – это, конечно, не собственный самолет, но прежде Шарлотта летала только экономом. Последний раз она была за границей в шестнадцать лет, а ее дети вообще нигде не бывали. Стыдно признаться, но сами экскурсии мало ее привлекали. Зато вдруг отчаянно захотелось снова побродить по старому европейскому городу, это было бы так шикарно, потому что там – за граница. Там ты становишься иностранкой, и это тоже шикарно.

Шарлотта вдруг вспомнила то лето, когда ей было шестнадцать. Жара, упоение своей исключительностью, когда тебя покрывают страстными поцелуями... Может, и впрямь стоит поучаствовать в этом конкурсе? Казалось, Минни шепчет ей из далекого далека: «Давай! Сядь и напечатай историю о своей первой любви!»

Поклявшись себе, что никому из своих не покажет написанное, Шарлотта переделалась в ночнушку, накинула халат, подлила в бокал вина и устроилась возле своего настольного компьютера *Dell*. Рядом с монитором стояло выцветшее свадебное фото. Уинстон был высок, хорош собой, да, но он никогда ею не восхищался. Их занятия любовью имели чисто формальный характер в лучшем случае, а в худшем – нагоняли тоску. (Из-за этого, встретив на улице мужчину, пахнувшего перегаром, Шарлотта морщилась, вспоминая проведенную с Уинстоном ночь.)

Она вышла замуж от бессилья, и это, пожалуй, было самой большой ее ошибкой. Лето страсти закончилось, и она чувствовала себя одинокой и брошенной. В представлении матери Шарлотты она была теперь «испорченным товаром». Поэтому когда в ее жизни снова появился Уинстон, для которого она по-прежнему оставалась блистательной девушкой, Шарлотта ухватилась за возможность все начать сначала. Возможно, она хотела загладить вину перед ним или действительно любила его, до того как... Тогда Шарлотта не видела перед собой никакого пути. Вот и сейчас, если бы Уинстон восстал из гроба и сказал ей, как следует поступить, скорее всего, она бы послушалась.

Шарлотта зарегистрировалась на странице конкурса. Ох, тут все пестрило картинками, которые сами оживали и перелистывались, но Шарлотта навела курсор на «Выиграй перелет в Европу первым классом и бесплатный круиз по Средиземному морю. Расскажи свою историю ТУТ».

Кликнув мышкой, она начала набирать текст:

В это трудно поверить, но однажды с меня сняли кожуру как с какого-нибудь банана, вонзив зубы в сладкую мякоть.

Шарлотта в шоке уставилась на экран. Банан? Откуда она взяла это сравнение? С отвращением стерев строчку, она начала заново:

Мой первый любовник был силен как бык, пронзивший меня своим...

Кровь прилила к лицу, у нее даже у самой челюсть отвисла от таких слов. Дрожа всем телом, она стерла и это предложение. Ничего себе! А если прямо сейчас под ее окнами топчется какой-нибудь припозднившийся собачник? Шарлотта поплотнее запахнула халат. Она просто оплачивает по интернету счета или смотрит прогноз погоды – ожидаются ли еще грозы.

Набрав в легкие воздуха, она застучала по клавишам, отпуская на волю воспоминания, воссоздавая полную хронику того лета, ничего не скрывая, ничего не стыдясь, не опуская ни единой неприглядной детали.

Время от времени Шарлотта доливала себе еще вина и продолжала печатать.

Когда она закончила, бутылка была пуста, а во рту – сухо. Что скажут дети, узнай они об этом? Что подумают ее *церковные* друзья? Да ее сразу выкинут из клуба друзей Библии, уж в этом можно не сомневаться. Ведь эта история противоречила тому образу, который она предлагала миру и с которым прошла от Парижа до Саванны, когда, восстав из пепла, она, оплакивающая мужа вдова, смогла выстроить свою жизнь на прочной основе. В этой же истории она выступала в роли распутной женщины, каковой, как опасалась Шарлотта, она и была на самом деле. Весь ужас в том, что это делало ее уязвимой. Про то лето знала одна лишь Минни, и она унесла эту тайну (как полагала Шарлотта) с собой в могилу.

Шарлотта сидела как в ступоре: она все еще контролировала собственную жизнь, и люди считали ее пусть не идеальной, но свободной от греха – респектабельной, такой, какую одобрила бы ее мать. Шарлотта устала все сверять с мнением Луизы! Но и теперь ей хотелось понравиться собственной матери, чей высокомерный, ломкий голос продолжал звучать в голове, тогда как сама Луиза уже двадцать лет как покоилась на кладбище Бонавентура⁶.

Шарлотте мучительно хотелось, чтобы дети были рядом, чтобы ниточка между ними не обрывалась и чтобы они по-прежнему нуждались в ней. А если она выиграет этот конкурс, они смогут вместе полететь в Европу. И целых девять дней проведут на круизном корабле! Все будет как в старые времена – только с гораздо большим шиком!

Ах да, еще эта тема секса. С Шарлоттой происходило что-то непонятное. Если раньше она отгоняла от себя мысли о сексе, то теперь часами представляла себя с мужчиной. То был собирательный образ отдельных особей, встречаемых ею в клубе друзей Библии или в церкви. От одного она брала пару сильных плеч, от другого – ямочку на подбородке, или вспоминала эпизод, как однажды в «Пабликсе» мужчина коснулся ее руки, потянувшись за фасолью. Сложив все воедино, она представляла, как мужчина зажимает ее где-нибудь в загородном доме, в кладовке или под проливным дождем. Шарлотта раз за разом перечитывала самые грязные сцены из любовных романов и даже вырывала отдельные страницы, чтобы посмаковать их на досуге.

Может, на корабле найдется хотя бы один такой подходящий мужчина?

Когда она примчалась в дом Минни, было уже слишком поздно, и в мозгу крутился единственный вопрос: и что теперь?

Прикусив губу, она нажала на кнопку: *Отправить*.

⁶ Сельское кладбище, расположенное на утесе реки Уилмингтон, к востоку от Саванны, штат Джорджия.

2 / Корд

Корд усталился на бутылку шампанского в холодильнике. Ну кто узнает, если он выпьет всего лишь один бокал – просто для храбрости. Ведь ему предстоит сделать предложение. Его компания оплатила его реабилитацию в клинике, с которой все откладывалось, но зато он взял выходной. У него, по крайней мере, есть час свободного времени. Вполне достаточно, чтобы выпить пару бокалов, принять душ, почистить зубы. Он уже почти ощущал блаженство, которое принесет ему выпивка.

Корд взял в руки бутылку. Кто-то из знакомых принес ее несколько месяцев назад. Бутылка была холодной. Эх, если бы только можно было вернуться к тем безмятежным дням, когда он еще не знал, что является алкоголиком. Когда еще не ведал, что хлопок вылетающей пробки и поднимающиеся вверх пузырьки шампанского являются предвестниками кошмара, с которым ему не справиться.

Сердце бешено заколотилось в груди.

Тебе так тяжело, – сказал ему одинокой голос. – *Выпей. Просто выпей.*

Он свернул кольчатку на горлышке бутылки, снял фольгу, вытащил пробку и заткнул горлышко пальцем, чтобы не дать пропасть ни единой капле.

У него еще есть время, чтобы выпить все до дна, принять душ и переодеться. Можно даже взять шампанское с собой в душ – так подсказывал его ящеричный мозг, выдавая все за какой-то небывало гениальный план.

Корда обдало жаром – хотя, может быть, все дело в слишком тесной кухне, более пригодной для приготовления закусок, а не для полномасштабной готовки. Собственно, никогда прежде он не кулинаричал сам, если не считать того случая, когда однажды встал среди ночи, включил передачу «Лучший повар»... Он пришел в себя на рассвете: стоял на кухне совершенно голый, а вокруг громоздились кулинарные творения из взбитого белка. Именно тогда Корд понял, что пора завязывать с золпидемом⁷.

Он хотел, чтобы сегодняшний вечер был безукоризненным. Корд выбрал десять сортов сыра – сыр был последней зависимостью, от которой он не отказался. Он не только заказал на Amazon спагетницу и скалку, но и *воспользовался ими*. Руками по локоть в муке он раскатывал тесто, нарезал полоски фетучини, которые затем развешивал сушиться на проволочных плечиках в гостиную. У него имелся целый пакет листового салата. Теплые багеты на закваске. И вкуснейший шоколадный торт без единой горстки муки, который ему пришлось переделывать три раза, целых три раза! Первый торт он сжег, а второй даже не дошел до духовки и был слит в раковину.

Теперь, когда торт номер три красовался на блюде, Корд мечтал, как пройдет его обручение на диванчике а-ля «Герман Миллер»⁸. После долгих лет, когда он перепробовал столько никчемных, далеко не симпатичных любовников, он представлял себе свадебный обед во дворе дома своей матери в Саванне. Вот он стоит перед всеми, с пышной копной песочно-коричневых волос, с легкой сексуальной щетиной на подбородке, с голубыми, как у Шарлотты, глазами. Он вообще здорово на нее похож – только моложе, выше, и, конечно же, он не женщина, а мачистый мужчина.

Он выглянул из кухонного окна своей квартиры, что на углу улиц Риверсайд и Западной Восемьдесят Шестой. Пожалуй, он никогда прежде не бывал дома в послеполуденное время. Листва на деревьях выглядела как-то вяло и уныло.

⁷ Снотворное.

⁸ Фирма по производству мебели класса люкс.

Отец говорил ему, что нужно быть сильным, настоящим мужчиной. Жаль, что уже невозможно спросить, слышал ли его отец, как и он сам теперь, этот одинокий голос в голове. Если забыть обо всех наставлениях Уинстона, он показал на собственном примере, что бывает, когда тебя одолевают демоны.

Корд расправил плечи, подошел к раковине и вылил шампанское, все до последней капли, вдыхая его запах, чувствуя себя больным, который все же отчаянно хочет оставить свою зависимость в прошлом.

534-й день.

По дороге в душ Корд окинул взглядом гостиную. Он искусно накрыл стол: серебряная перечница и солонка, новая кухонная посуда и аксессуары от «Уильямс Сонома»⁹, красивая скатерть, крахмальные салфетки. И элегантная роза в вазочке.

Душ был слишком горячим и напористым, но, если готовишься к войне, умей держать удар. Намыливая подбородок, Корд представил себе двор материнского дома, усаженный кустами азалий. Для церемонии можно будет поставить перголу, а угощения заказать у хорошего местного поставщика. Корд представлял себя в хлопковом костюме от «Кучинелли», в руках его торт с целующимися крабиками. Но вот вписать в картину саму Шарлотту никак не получалось. Скорее всего, она будет сидеть и плакать в своем гольф-мобиле или устроится за трюмо, изображая из себя Бланш Дюбуа¹⁰, попивая свой ужасный шардоне. Корд отогнал от себя мысли о матери. Это его жизнь и, возможно, его последний шанс. А с мамой он все урегулирует после. Ведь она все равно будет любить его таким, какой он есть, разве нет?

«Главное, – любил повторять его куратор из АА¹¹, – это любить самого себя. Ты меня слушаешь?» Корд тогда кивал, мысленно улыбаясь над этой банальностью. Любить себя? А что это вообще такое?

Корд побрился, воспользовавшись помазком из конского волоса – подарок его старшей сестры Ли, которая теперь проживает в Лос-Анджелесе. (Бедная Ли. Пытается изображать из себя успешную актрису, но они-то знают, как ей тяжело. Ли даже приходилось рекламировать гигиенические тампоны и открытые босоножки из «Уолмарта»¹². У нее всегда были красивые пальчики на ногах.)

Обмотавшись полотенцем, Корд открыл встроенный шкаф. В спальню приклепал его лабрадор Франклин шоколадной окраски.

– Привет. – Корд почесал собаченцию за ухом, выбрал бледно-голубую рубашку и надел ее. Тут за спиной послышался горестный вздох. Корд встревоженно обернулся. Франклина вырвало прямо на его кроссовки от *Louis Vuitton*.

– Что ты натворил? – в панике воскликнул Корд и понесся за кухонным полотенцем, в первую очередь боясь, что пес сожрал всю приготовленную лапшу. От торта с надписью «Выходи за меня замуж» осталась пара жалких крошек.

Зазвенел домофон, и послышался певучий голос Джованни:

– Ты дал мне ключ, я вхожу!

Оглядывая учиненный Франклином погром, Корд начал тереть глаза, стараясь дышать ровно. Его любимого пса еще пару раз стошнило на полу в спальне.

В квартиру впорхнул Джованни: в одной руке бутылка итальянского лимонада, в другой – зажженная сигарета.

⁹ Американская компания по продаже кухонных принадлежностей и предметов домашнего обихода.

¹⁰ Героиня пьесы Тенниси Уильямса «Трамвай „Желание“».

¹¹ Анонимные Алкоголики.

¹² Американская сеть розничной торговли.

– Слава богу – пятница! – воскликнул Джованни и осекся. Его красивое лицо исказила гримаса растерянности.

– Дорогой... – сказал он.

Корд вытер слезы. Джованни подошел и обнял Корда, положив голову ему на грудь. Франклин притащился на кухню и шлепнулся им под ноги.

– Что случилось? – спросил Джованни. – Дорогой, что такое?

– Просто... – Корд не в силах был выразить сокрушительную бурю чувств, которые он сейчас испытывал. Осознание, что его могут бросить, и одновременно отчаянное желание сохранить любовь... Что-то пошло не так, и нужно срочно все исправить, хотя он и сам не понимал, что именно. Все сплелось воедино – его желание напиться, его тоска по матери и улыбка Джованни, которая все расставляла по местам, озаряя его дни, как будто поднимая тяжелый мрачный занавес.

– Ну что? – повторил Джованни.

– Просто я люблю тебя, – прошептал Корд.

3 / Реган

Отойдя от продуктовой тележки, Реган дотронулась до упаковки с крысиным ядом. Интересно, какой напиток способен приглушить вкус этих смертельных гранул? Может, кофе с корицей из «Старбакс»? Она представила, как делает первый глоток, а потом начинаются конвульсии, вызванные отравлением стрихнином. Нет, она уже проигрывала в голове этот сценарий. Как бы ни была привлекательна идея с отравлением, крысиный яд не годится. Реган собиралась играть вдолгую.

Сделав все необходимые покупки в гипермаркете «Уолмарт», она отправилась в самое любимое свое место – «Домик Моне» при торговом центре «Оглторп». Когда она только начала расписывать керамику, Реган притворялась, будто коротает время, ожидая подругу, или готовит подарок ребенку на день рождения. Пару раз она притаскивала сюда своих дочерей, и они все извертелись, пока их мать не закончила поделку. А потом Реган перестала притворяться. Главный администратор Кендалл уже знал ее в лицо и был с ней любезен. Возможно, такие, как она, держали их на плаву. Она подошла к полке, рассматривая глиняные формочки.

– Здравствуйте, миссис Уиллинхэм, – сказал Кендалл.

– Доброе утро, Кендалл, – ответила Реган.

– Как ваши дела?

Реган молча кивнула и улыбнулась. Она взяла в руки белую фигурку динозавра. Можно раскрасить его бирюзовым или зеленым цветом.

– У нас есть мартышка и два обнимающихся котика, – предложил Кендалл.

Реган снова кивнула. Дома в ее потайном шкафчике уже стояли три раскрашенные мартышки, четыре динозавра, бесчисленные солонки и перечницы, тарелки, блюда и кувшины для вина. Реган прекрасно знала, что никогда не будет пользоваться в быту всеми этими предметами из «Домика Моне», но пребывание тут дарило ей радость и спокойствие. Здесь ее покидало ужасное чувство, что ее жизнь – как врезавшаяся в стену машина, исковерканная и помятая, уже неспособная никуда ехать – и подушки безопасности не сработали, и никакая «Скорая» не мчится, чтобы спасти тебя. Да, ее жизнь свалилась через ограждение в океан страхов и тоски, медленно идя ко дну вместе со своей пассажиркой, у которой уже нет времени, чтобы спастись: она хватается ртом воздух, а ремень безопасности, олицетворяющий ее брак, заело, крепко вжав ее в сиденье, и скоро она раскинет руки, отдавшись удушающей водной стихии.

Вполуха прислушиваясь к негромко звучащей музыке (плейлист Кендалла состоял в основном из мужских бэндов), Реган выдавила краску на палитру и выбрала кисточки разных размеров.

Когда-то она думала, что станет художницей. И теперь, открывая дома свой секретный шкафчик и усевшись по-турецки на полу, она смотрела на свои глянцевые цветные поделки и представляла, будто она и *в самом деле* художник. Она бросила учебу, чтобы не потерять Мэтта, чтобы слепить счастливую жизнь в достатке – полную противоположность собственному нищенскому детству. Раз в несколько дней Реган приходила в «Домик Моне» и раскрашивала фигурки, подпадая под чары этого места, создавая из примитивных форм то, чего не существовало бы без ее любовных, старательных усилий. Разве не в этом состоит смысл искусства? (И, если уж на то пошло – материнства и самой жизни?)

Закончив раскраску динозавра, Реган передала его Кендаллу для обжига и расплатилась картой.

Покинув «Домик Моне», она еще немного погуляла по торговому центру в поисках вещиц, способных избавить ее от ощущения, будто она – золотая рыбка, запертая в пластико-

вом пакете «Зиплок»¹³. Реган кинула взгляд на свое отражение в витрине. Она уже не была хорошенькой, и из сорок второго размера перелезла в одежду пятидесятого. При ходьбе ляжки неприятно терлись друг о друга. Она родила детей, выкормила их грудью и пыталась воспринимать с бравадой эти печальные перемены в своем облике. Реган любила вкусно готовить и вкусно поесть. Ее мать всю жизнь сидела на диетах, а Реган стремилась подать своим девочкам более здоровый пример. Но на нее перестали оглядываться мужчины.

Реган задержалась возле турагентства. Надпись на рекламе с шезлонгом и пляжным зонтом гласила: *Куда угодно, только беги отсюда!*

Реган приложила руку к горлу. Она буквально задохнулась от осознания, как все просто.

– Я хочу сбежать, – сказала она сама себе, глядя на этот розовый шезлонг, на столик с фруктовым напитком. Крысиный яд, самоудушение подушкой, перерезывание тормозов на «Тойоте Тундра»... Ни один из этих способов не давал того, что она желала больше всего на свете, а именно – освободиться.

Реган заставила себя пройти мимо турагентства. Через полчаса она должна быть в спортивном зале Деревенской дневной школы Саванны. Это было дорогое учебное заведение, но каждый раз, когда она приезжала туда и видела своих девочек в красивой ладной форме, ее охватывала гордость. Отец Реган был адвокатом, но после его смерти с деньгами все стало плохо, и Шарлотта вытягивала семью, став агентом по недвижимости.

А риелтором она была средним. Время от времени ей удавалось продать приличный дом пенсионерам из богатых мест или знакомым прихожанам, и благодаря этим деньгам Реган смогла окончить среднюю школу. Но бывали и скудные времена, когда Шарлотта, нацепив на нос дешевые очки для чтения, тыкала в калькулятор, считая накопившиеся долги по счетам.

Иногда, в выходные, которые считались днями открытых дверей, Шарлотта брала Реган с собой. Реган сидела и делала домашку, а Шарлотта приклеивала к лицу улыбку ради праздных посетителей. Реган была благодарна матери за все ее старания, но к вечеру, вернувшись домой и съедая на ужин какой-нибудь жалкий чизбургер, Шарлотта выглядела совершенно измотанной, и на нее было жалко смотреть.

Шарлотта наскребла денег, чтобы и Корд, и Ли окончили Деревенскую дневную школу Саванны, а потом отправила их по колледжам. А вот Реган уже ходила в государственную школу, донашивая одежду за старшей сестрой. Учитель рисования очень хвалил ее, но денег на дополнительные занятия в местном музее искусств Тельфер¹⁴ или в Саваннском колледже искусств и дизайна не было.

Реган горестно вздохнула. Она так старалась навести уют в их новом большом доме, столько трудилась ради лучшего на свете мужа и двух любимых дочек. Она сделала все, чтобы у девочек была мать, о которой она и сама мечтала: внимательная, заботливая, энергичная. Но теперь Реган знала: стоит лишь поднести спичку, и все это взлетит на воздух. Она хотела этого и одновременно страшилась.

Реган оставила свой минивэн на гостевой стоянке и вошла в школу, показав волонтерский значок. В комнате отдыха для учителей она переделалась в спортивные штаны и розовую футболку. В школе проходила Неделя любви к волейболу.

В спортивном зале пахло недавней уборкой. Реган заняла место рядом с тренером Рэнди (*Рэнди для Реган!* – эту шутку она оставила при себе) и по его подсказке приняла исходную позицию, всем своим видом изображая истовую любовь к волейболу. Ее дочери, девятилетняя Изабелла и семилетняя Флора, радовались, что мама рядом, хотя Реган знала, что в один прекрасный день они начнут ее стесняться – ведь это же привилегированная школа. Реган уже заранее читала блоги на темы «Я научилась ценить каждый момент своей жизни» или «Мой

¹³ Пакет на молнии.

¹⁴ Музей искусств Тельфер основан в соответствии с завещанием почетной жительницы Саванны Мари Тельфер.

сын не дает себя обнять – если б я только знала». Поэтому Реган старалась ценить сегодняшний чертов момент.

После занятий они съездили в кафе и угостились мороженым.

Вернувшись в свой дом в районе Ши Крэб Секл, Реган отправила девочек в душ, потом расчесала щеткой их длинные светлые волосы и заплела косички. Надев на них сарафанчики, дала каждой по набору для мыльных пузырей и отправила гулять на заднем дворе. Изабелла немного поартачилась и позакатывала глаза по поводу этой игры для маленьких, но Реган знала, что она и есть маленькая. И действительно: стоило Флоре надуть первый мыльный пузырь, как Изабелла перестала воображать и босиком бросилась за сестрой.

Наступило шесть вечера, Мэтт так и не пришел. Реган попыталась дозвониться ему на сотовый, но он не отвечал. Накормив девочек макаронами, поджаренными на сливочном масле, Реган включила им мультик «В поисках Немо». Мультфильм уже кончился, но Мэтт так еще и не пришел. Уложив девочек, Реган заварила себе чай, взяла сотовый и вышла во двор.

Она посидела так несколько минут, не зная, как быть. Снова набрала Мэтту и снова попала на голосовую почту.

Куда угодно, только беги отсюда!

Нужно взять себя в руки, съесть мятную шоколадку *After Eight*, проникнуться каким-нибудь любовным романом, перешедшим к ней от Шарлотты. (Та предварительно вырывала страницы с грязными сценами, сбивая повествование.) Но Реган надоело терпеть все это.

Она посмотрела на свой сад, где собиралась посадить ядовитые олеандр или белладонну. Она даже погуглила тему «растения, убивающие без следа», а потом стерла историю поиска. Но сейчас она решила позвонить своей старой подруге Зоуи из Атланты.

– Привет, незнакомка, – сказала Зоуи. – Чем обязана такой чести?

Реган все рассказала, аккуратно подбирая слова.

Замолчав на какое-то время, Зоуи ответила:

– Гм... Не нанять ли тебе *хвост*?

– Что? – переспросила Реган, продолжая грызть ноготь на большом пальце.

– Представляешь, я знаю одного типа в Саванне, – сказала Зоуи, которая, собственно, была офицером полиции.

– Представляю, – согласилась Реган.

– Отличный парень. Следователь, охотник за сокровищами и скульптор в одном флаконе.

– Здорово, – сказала Реган.

– Я свяжусь с ним насчет тебя. Ведь сама ты никогда не соберешься.

– Спасибо тебе большое, – поблагодарила Реган.

– Может, там и нет ничего такого, – предположила Зоуи.

– Ну да. – Реган уперлась ногами в землю, словно собиралась взлететь. Она закрыла глаза и представила все с высоты птичьего полета: как огонь пожирает ее холеную лужайку, сам дом и каждый предмет ее гардероба. Она только вытащит своих девочек, и все.

4 / Ли

Вот уже третьи сутки Ли добиралась на машине из Лос-Анджелеса в Саванну, где собиралась отсидеться у матери. Кредитный лимит ее карточек был превышен, на банковском счете пусто. Проведя весь день за рулем, вечером она свернулась калачиком на заднем сиденье арендованной «Тойоты Приус», чтобы немного поспать. Свернулась как малый ребенок. Или собака. За бензин и перекусы она расплачивалась кредиткой Шарлотты (та дала ее на «крайний случай», еще когда Ли училась в колледже). Она позвонила матери, заправившись в Атланте, в четырех часах езды до Скайдауэй-Айленд.

– Привет, мам, это я, – сказала Ли.

– Ли! Ли! – радостно воскликнула Шарлотта. Каждый раз, когда она так говорила, у Ли теплело на душе. Словно этот звонок был самым счастливым событием для Шарлотты.

– Мам, у меня для тебя новость, – сказала Ли хриплым от долгого молчания голосом. Когда в последний раз она разговаривала хоть с кем-то? Может, неделю, а может, десять дней назад.

– Что за новость, дорогая? – спросила Шарлотта. – Ты получила большую роль?

– Не совсем. – Ли задрала голову к уличным проводам над заправкой, усыпанным сотнями скворцов – вот оно, свидетельство перенаселения в условиях городской среды.

– Тогда – маленькая роль? – снова попыталась догадаться Шарлотта.

– Нет, – сказала Ли, уже зная, что после этого разговора позволит себе батончик *Twix* или *Snickers*. Или сразу оба.

– Вы с Джейсоном решили пожениться?

– Мам... – Ли собралась с мужеством. В семье Перкинс не было принято делиться проблемами. Все двигались только вперед, делая вид, что все прекрасно. Любая грустная нотка в разговоре сразу превращала тебя в паникера, который слишком *драматизирует* события. Ли давно научилась оборачивать даже самые горькие истории в пуленепробиваемую веселость. И только недавно начала понимать, как больно без конца изображать, что у тебя все прекрасно.

Ведь с Ли ничего не было прекрасно. Она уже страдала от хронического недосыпа, дойдя до состояния как после аддералла¹⁵, который она нюхала в колледже, – от этого становишься суетливой, делаешь массу ненужных движений, а голова переполнена всякими гениальными идеями и ассоциациями, близкими к прозрению. При этом Ли не чувствовала никакой депрессии, а даже напротив – пребывала в состоянии эйфории, словно подпитывалась какой-то странной, неземной энергией. Когда ее карточка от номера в мотеле «Ла Квинта»¹⁶, что в Западном Голливуде, перестала работать, к Ли вдруг пришло ясное осознание, что нужно просто садиться в машину и ехать. И что она хочет повидаться с матерью. Поэтому, забрав почту (выписки по старым кредиткам, предложения по новым, а также приглашение на бар-мицву), она заправилась и поехала на восток.

– Я еду домой, – сказала Ли.

На том конце провода повисла пауза.

– В этом и состоит моя новость, – прибавила Ли.

Оправившись от легкого шока, Шарлотта воскликнула:

– Что ж, это *самая прекрасная новость*, которая только может быть!

– Да, так и есть, – согласилась Ли.

– Нам будет так здорово вместе! – сказала Шарлотта. – А Джейсон с тобой?

¹⁵ Лекарство, содержащее амфетамины.

¹⁶ Отель в Западном Голливуде.

– Нет. – Ли тяжело сглотнула и произнесла заранее заготовленную ложь: – У него много работы, но он просил передать тебе привет.

– Кстати, я, конечно, боюсь сглазить, но я приняла участие в конкурсе, который надеюсь выиграть. Приз – бесплатное путешествие в Европу! Девятидневный круиз из Афин до Барселоны.

– Круто, мам, – сказала Ли. Она волновалась за Шарлотту – ведь та такая хрупкая. С тех пор, как Ли обнаружила тело своего отца, ей все время казалось, что она обязана опекать свою мать. Это как работа. Ли так часто звонила в Саванну, что Джейсон как-то сказал: все ее мозговые ресурсы уходят на Шарлотту, поэтому мало что остается для серьезных отношений с ним. Когда Джейсон стал зарабатывать хорошие деньги, каждую неделю Ли посылала матери свежие цветы. Сейчас у нее оставалась карточка Джейсона, но она считала ниже своего достоинства пользоваться ею, поскольку теперь Джейсон жил с Александрией Фумиллини.

– Мне бы так хотелось, чтобы мы все вместе отправились на Средиземное море, – мечтательно произнесла Шарлотта.

Ли почувствовала спазм в животе. Она-то знала, что ее мать не выигрывает этот конкурс. Там никто и никогда ничего не выигрывает. Но ей не хотелось расстраивать Шарлотту.

– Мне тоже этого хочется, мам, – устало ответила она.

– Ты успеешь добраться к ужину? Я пожарю креветки. По «Быстрым рецептам Марты Стюарт»¹⁷.

– Здорово, – с благодарностью ответила Ли. Уже давно никто не готовил специально для нее.

Ли годами держалась на яичных белках и кокаине, уверенная, что придет время и она получит работу, которая изменит всю ее жизнь. И это почти происходило: ее приглашали на прослушивание, потом отменяли прослушивание, ее замечали, выбирали для небольших ролей, с помощью которых можно было держаться на плаву. Но годы шли, звонки случались все реже, и Ли начинала понимать, что, скорей всего, ничего в ее жизни не переменится.

Зачем она вообще осела в Лос-Анджелесе? То, что она красивая, гораздо красивее других, ей говорили с четырех лет, а может и того раньше. (Но самым ярким ее воспоминанием было то, в четыре года, когда отец заглянул ей в глаза и сказал: «Вбила себе в голову, что ты самая красивая на свете? А знаешь, так оно и есть».)

В школе и в колледже ей давали главные роли в любительских спектаклях, начиная от «Парней и куколок»¹⁸ и заканчивая чеховской «Чайкой». Но была ли она хорошей актрисой? Учеба мало интересовала Ли – ей хотелось стать знаменитой, чтобы сбежать от печальных детских воспоминаний. Иногда *запрофессионаленность* только вредит. Тут нужна проникновенность, ранимость. Трогательность. Умение затронуть душу агента по кастингу. Впрочем, Ли подозревала, что агенты по кастингу ничего в этом не понимают. А ведь это что-то особое – идущее изнутри, как любовь. И научиться, чтобы тебя любили, невозможно. Это либо есть, либо этого нет.

Когда Франсин, агент Ли, находила варианты для прослушивания, Ли внимательно читала сценарий, выделяя реплики своей героини. Распечатав резюме, она степлером приклеивала к нему свое фото. Вместе с Франсин они выстраивали целую стратегию – с какой прической преподнести себя, какую подобрать одежду и какую обувь – например, лучше туфли или хайтопы¹⁹? По претенденткам в приемной легко можно было вычислить, что предположительно должно «затронуть душу» директора по кастингу: в юные годы, например, все сту-

¹⁷ Кулинарная книга.

¹⁸ Мюзикл, созданный Фрэнком Луссером на либретто Джо Сверлинга и Эйба Барроуза.

¹⁹ Высокие кеды.

ля были забиты полногрудыми красотками (сделав выводы, Ли посетила известного пластического хирурга и перекредитовалась).

Уже позднее Ли все чаще оказывалась на стульчике среди характерных и не столь молодых актрис, какое-то время играя привлекательных женщин среднего возраста, постепенно опускаясь до ролей неприглядных домохозяек или озабоченных теток. Франсин звонили все реже, и, соответственно, все реже Франсин звонила Ли. А потом Джейсон (психолог, ставший актером) пригрозил расставанием, если Ли не пойдет к психиатру, чтобы разобраться со своими «фобиями, вызванными хронической привязанностью к матери, которые, возможно, связаны с нехваткой серотонина, – или это уже вообще маниакально-депрессивный синдром». Но Ли учили двигаться дальше, а не копать в себе. И она не собиралась заново переживать все, что было связано со смертью отца.

И тогда Джейсон исполнил свою угрозу и бросил ее.

Ли отправилась в Лос-Анджелес – ведь именно там становятся богатыми и знаменитыми. Какое-то время она думала, что ей не хватает образованности и трудолюбия – поэтому Ли *действительно* стала читать Станиславского – его книга в твердом переплете всегда лежала под рукой на кофейном столике. Но в итоге она поняла, что ее не интересует, как стать серьезной актрисой и как вжиться в роль. Она садилась на диван, поджав ноги, в руках – «Работа актера над собой», под рукой – кофе, – и начинала тупить. Но она правда старалась! Просто не получалось вчитываться в текст, и в голове ничего не откладывалось. В итоге она возненавидела эту книгу.

А вот Джейсон сорвал большой куш – получил роль робота в ситкоме «Я и мой робот». Да-да, ха-ха, и тем не менее. Очень скоро он купил дом на холме и написал Ли имейл: «Я официально разрываю свою созависимость с тобой, чтобы двигаться дальше». Он начал встречаться со своей партнершей, девушкой чуть старше двадцати – «уравновешенной» и «готовой завести семью». (Она и ее робот. Очуметь.) Сама не своя, Ли все же досидела в их с Джейсоном съемной квартире до самого последнего дня, а потом переехала в мотель.

За несколько недель она растеряла остатки последнего авторитета и стала нежелательной персоной в парикмахерской, тренажерном зале, в студии йоги и пилатеса, в супермаркете *Whole Foods*²⁰, да и вообще *На всей земле*²¹. Что до ее друзей... Переехав в «Ла Квинта», Ли вдруг поняла, что желающие забежать на огонек куда-то испарились.

Ли Перкинс, официально Самая Популярная и Самая Красивая Девушка в Деревенской дневной школе Саванны, стала бывшей самой-пресамой в обеих категориях. Покидая Саванну и бросив своего парня Мэтта, Ли считала, что так будет лучше для всех. Но кто мог подумать, что он возьмет и женится на ее сестре!

И хотя Ли не общалась с Реган после репетиции свадьбы, она жадно следила за ее жизнью в социальных сетях. Разглядывала своих племяншек Флору и Изабеллу – и страдала. Ведь она никогда не видела их в реальной жизни.

Когда-то Реган ловила каждое слово своей старшей сестры, донашивала за ней наряды. Реган была пухленькой, и парни не падали к ее ногам штабелями. Зато она была доброй и искренней, и с самого детства в ней был силен материнский инстинкт. Когда Ли возвращалась домой из школы, Реган бросалась к ней обниматься, кормила домашней едой и чесала спинку. Счастье Реган состояло в заботе о других. И, в отличие от Ли, она принимала только правильные решения в жизни, стала во всем женщиной – один ребенок справа, другой слева, как свидетельствует ее аватарка на Фейсбуке.

²⁰ Супермаркет здорового питания.

²¹ Обыгрывается название британской компании Whole Earth, выпускающей продукцию для здорового образа жизни. Слово *whole* с английского переводится не только как «здоровый», но и как «весь».

Налюбовавшись на эту троицу, Ли обхватывала руками обе подушки и сладко засыпала в своем мотеле.

Шарлотта не скрывала своей радости по поводу приезда дочери. Она помыла и уложила волосы, оделась ярко и модно. Хотя в последний раз они виделись полгода назад, когда Шарлотта приезжала в Лос-Анджелес, они постоянно оставались на связи. И вот сейчас Ли резануло, что ее мать... как бы это сказать... состарилась.

– Знаешь, я немного расклеилась после смерти Минни, – призналась Шарлотта за вкусно приготовленным ужином. Она подлила обеим еще этого ужасного вина.

– Еще бы ты не расклеилась, – ответила Ли. – Вы ведь так долго дружили.

Шарлотта кивнула.

– Теперь даже не знаю, на что и надеяться. – В голосе матери послышались непривычно скорбные нотки.

– Знаешь... – Ли судорожно подбирала слова, чтобы подбодрить Шарлотту. – Тебя ждет приз, поездка в Европу.

– О, Ли... – Лицо Шарлотты просияло. – Мы поплывем из Афин до самой Барселоны. Этот конкурс называется «Путешествуй по миру». Это как джетсеттеры²². Хотя, конечно, никаких персональных джетов не будет, только билеты в первый класс. Но это уже кое-что.

– Все пройдет замечательно. – Ли накрыла руку матери своею. – Вот на это и будем надеяться.

– Да, ты права. – Ли глотнула еще вина.

И тут Шарлотта так крепко вцепилась в ее руку – как утопающий за соломинку.

– Ты всегда умеешь поддержать.

В этих словах звучала скорее мольба, чем обычная констатация факта, и Ли занервничала. Ей хотелось высвободить руку, но она не посмела.

²² Сленг. Обеспеченные люди, которые путешествуют по миру на частных самолетах, посещая модные вечеринки и другие мероприятия.

5 / Шарлотта

Утром Шарлотта отправилась на мессу. Опустившись после причастия на колени, – это были те самые минуты, когда она чувствовала непосредственную связь с Богом, – Шарлотта сформулировала свою просьбу: *Господи, сделай так, чтобы я выиграла Средиземноморское путешествие.*

Она ехала домой с легким сердцем, впустив в открытое окно поток приморского воздуха. На старых площадях Саванны красовались ряды старинных кирпичных домов, в то время как район Лэндингс²³ застроили современными *унесенноветренными* постройками – столь огромными, что в каждом из них могло проживать по целой Таре Уильямс²⁴. Квартира Шарлотты находилась в районе, состоящем из нескольких кондоминиумов – строго напротив девятой лунки «Оленьего ручья»²⁵. Припарковав свой «Фольксваген Рэббит», она откинулась на сиденье, радостно предвкушая, что когда поднимется по трем ступенькам к своей двери и, войдя в дом, крикнет «Есть тут кто-нибудь?», услышит ответ на свой зов. К ней приехала ее Ли.

Когда ей принесли ее первенца, ее маленькую Ли, Луиза уже была тут как тут. Она суетилась, расхаживая по палате, поправляя цветы в вазе и беспрестанно тараторя, что Шарлотта должна быть благодарна ей за то, что она, Луиза, настояла на полусне²⁶, который на самом деле к тому времени уже почти не применялся. Как и предупреждали критики этого метода обезболивания, Шарлотта годами потом страдала от его последствий: сколько ни вкалывай морфия, мозг все равно все запомнил. В разоблачающих статьях писалось, что находящиеся в полусне орущих от ужаса рожениц привязывали к гинекологическим креслам, пока врачи преспокойненько занимались своим делом в полной уверенности, что никаких воспоминаний не останется.

Медсестра вручила дочурку Шарлотте, когда та еще не отошла от лекарств. Малышка впиалась в нее взглядом пронзительно голубых глаз. Шарлотта посмотрела на нее тогда и подумала: *Наконец-то в мире появился человек, предназначенный только для меня.* Шарлотта улыбнулась дочке, и та закрыла глаза. Волна счастья и гордости окатила Шарлотту, и она даже всплакнула.

– Вы только посмотрите, – сказал появившийся возле кровати Шарлотты Уинстон. Он пах сигарами, которыми угощал других и которые курил сам перед телевизором в комнате ожидания. Лицо его смягчилось и покрылось легким румянцем. Он был счастлив – по крайней мере, в данный момент. На секунду в мозгу Шарлотты, словно пламя от его серебряной зажигалки, вспыхнула надежда, что, возможно, это дитя сможет излечить его. Они уже заранее придумали для девочки имя: Элизабет Лир. Элизабет – в честь бабушки Уинстона, Лир – в честь их любимой шекспировской пьесы, которую они смотрели в Париже, в театре под открытым небом – на заре своего знакомства. Но уже через несколько дней Элизабет Лир стала просто Ли.

– Вы только посмотрите на нашу девочку, – сказал Уинстон.

Шарлотта кивнула, крепко прижав к себе ребенка. Она еще подумала тогда: *Не наша, а моя.*

Но когда Шарлотта поднялась по трем кирпичным ступенькам и крикнула «Есть тут кто-нибудь?», никто не ответил. Ли все еще спала. Шарлотта переделалась в слитный купальник и махровый халат, закинула в пляжную сумку со своей монограммой два полотенца, три любов-

²³ Премиальное комьюнити в юго-восточной части города Саванна.

²⁴ Американская баскетболистка.

²⁵ Поле для гольфа.

²⁶ Способ обезболивания родов.

ных романа и уселась читать *New York Times*. Когда она пролиставала газету до середины, появилась сонная Ли в неглиже. Разговаривая с кем-то по сотовому, она налила себе чашку кофе и пошла обратно в комнату, махнув Шарлотте и извинительно указав на телефон. Как будто можно обсуждать важные дела, разгуливая в одних лишь трусиках.

– Хочешь английскую булочку? – спросила ей вслед Шарлотта.

– Да, мам, спасибо, – кинула через плечо Ли.

– Подогреть и с маслом? – уточнила Шарлотта.

– Да! Спасибо! – крикнула Ли, поднимаясь по лестнице. Проследовав по коридору, она прикрыла за собой дверь гостевой комнаты.

Так-так! Шарлотта вернулась на кухню, разрешила английскую булочку надвое и положила ее в тостер, с которым было что-то не так. Он работал, но уходило пятнадцать минут, а то и больше, чтобы добиться поджаристой корочки. Одно время Шарлотта думала купить новый тостер, но, с другой стороны, можно и подождать. Приготовив завтрак для Ли, Шарлотта понесла его (на фарфоровой тарелочке, сбоку – сложенная салфетка) в гостевую комнату. Шарлотта слышала, как Ли продолжает говорить по телефону, но слов было не разобрать. Постучавшись, прежде чем войти, Шарлотта вошла и поставила завтрак. Ли сидела на кровати, обложившись мусорной почтой.

– Что это? Предложения по кредиткам? – спросила Шарлотта.

– Что? – переспросила Ли. – Нет, мам. Я сейчас выйду к тебе. И спасибо за булочку.

Когда Ли, наконец, освободилась, вдвоем на гольф-мобиле Шарлотты они поехали к бассейну, где повалялись на солнышке, листая любовные романы, заказали по коктейлю из текилы и через какое-то время направились обратно домой.

– Я хочу заскочить в «Пабликс», тебе ничего не купить? – спросила Шарлотта.

– Может, вина?

– Точно. – Шарлотта притормозила возле почтового ящика, вытащила почту и положила ее на колени Ли. Через минуту она загнала машину в гараж. Шарлотта изобретательно подвесила к потолку теннисный мяч: как только он касался ветрового стекла, Шарлотта тормозила и ставила гольф-мобиль на зарядку.

– Мне нужно еще раз перезвонить агенту, вдруг что-то новенькое появилось, – сказала Ли, выпрыгивая из машины.

– Конечно, дорогая, – ответствовала Шарлотта, сгребая в кучу мокрые полотенца и журналы. Кинув почту на кухонный стол, Ли схватилась за сотовый. Присев, Шарлотта начала перебирать новые каталоги, купоны, пока из-под груды ненужного мусора не выглянул большой белый конверт, на котором были напечатаны ее адрес и имя.

– О... – Шарлотта почувствовала теплое стеснение в груди. Не может быть. Не может быть. Нет, так и есть: письмо от компании «Круизные линии Сплэндидо».

– Что там? – спросила Ли.

Шарлотта вдруг поняла, что ее пробирает дрожь. Что это – нервы или признак старости? Нет, просто эмоции. Открыв конверт, она медленно развернула письмо. Слова поплыли перед глазами: *Примите наши поздравления! Свяжитесь с нами как можно скорее. Шарлотта Перкинс, рейс первым классом, отплытие из г. Афины, Греция.*

Радость переполняла ее. Ах, если б только он мог увидеть ее сейчас, подумала она, имея в виду сразу несколько мужчин – того, о ком был написан очерк (чьи сильные руки крепко сжимали ее), мужа, который никогда не знал ее настоящую (у него были маленькие вялые руки с короткими пальцами) и тренера по гольфу, чьи руки (по крайней мере она так думала, хотя, возможно, и ошибалась) задерживались на ее бедрах, когда он помогал ей отработать замах рукой.

Любовница. Борец. Победительница: Шарлотта Перкинс.

Конечно, она была слишком светским человеком для подобных путешествий. Элегантная и утонченная, Шарлотта лучше всего вписалась бы в дорогие апартаменты в отелях Лондона или Парижа. Но ведь она вообще никуда не ездила на протяжении пятидесяти лет! То, что Шарлотта могла себе позволить, было ниже ее достоинства. Поэтому она оставалась дома. Но сейчас внутри нее все бурлило, как наполненный шампанским бокал. *Ну и пусть* такой вояж – пошлость, что с того?

Шарлотта судорожно вздохнула. Теперь вместе со своими детьми она сможет любоваться на европейские красоты, посидеть на палубе, наблюдая, как солнце восходит над Средиземным морем. Они будут сидеть там и чокаться бокалами шардоне!

И, может даже, ей повстречается мужчина, который захочет поцеловать ее, который проведет своей жаркой рукой по ее спине, задержавшись чуть ниже, который обхватит ее сзади и возмет в себя... Надо же, она уже среди бела дня мечтает о выдуманном любовнике – как начинает набухать его мужское достоинство под широкими брюками из дорогого габардина. Шарлотта пыталась вернуться в реальность, но не могла не позволить мужчине своей мечты прижать ее к себе – она даже чувствовала его дыхание на своей шее. Ошеломленная столь горячими фантазиями, она почувствовала, что краснеет.

– Мам, с тобой все хорошо? – спросила Ли.

– Ах, дорогая... – Шарлотта взглянула на своего первенца, свою старшую дочь. Сейчас взгляд ее был таким же проникновенным, видящим насквозь, как в первые минуты после своего рождения. Шарлотта порывисто обняла свою девочку. Если в ней что-то надломилось, тогда пусть круиз поможет ей, пусть он исправит жизни каждого из них. – Ах, дорогая, – сказала Шарлотта. – Я выиграла!

6 / Корд

Это уже стало поводом для шуток: каждый раз, когда Корд и Джованни занимались любовью, обязательно звонила Шарлотта. Прямо шестое чувство какое-то. Поэтому, чтобы их не отвлекали, Корд оставлял сотовый и своего пса на кухне, захлопывая дверь.

– Я скоро вернусь, – сказал он Франклину в четверг вечером.

Пес понимающе посмотрел на него.

– Ну хорошо, – поправил себя Корд. – Не совсем чтобы скоро. Но ты ведь умная собака. С горестным вздохом Франклин плюхнулся на свой лежак марки *Hermès*.

Однажды протрезвев (больше ни капли, честное слово!), Корд купил ароматизатор и генератор белого шума, чтобы огородить от стрессов свою хрупкую нервную систему. Он считал свою спальню настоящим островком покоя.

– Лаванда или иланг-иланг? – спросил он, входя в комнату с двумя крошечными синими пузырьками.

– Какая разница? – ответил Джованни. – Иди ко мне.

Корд потряс головой – он любил Джованни, любил его врожденное умение быть счастливым. Был ли Корд хоть в какой-то момент своей жизни таким же цельным человеком – хотя бы в двадцать один год, после окончания Принстонского университета, когда он через престижную компанию стал вкладываться в стартапы и вел тайную ночную жизнь в Алфавит-сити²⁷, где много пил, принимал наркотики и спал с каждым встречным юношей? Черт возьми, то были хорошие времена, но в них было столько невыносимой лжи. Он взглянул на Джованни, который уже горел от нетерпения.

– Иди ко мне, – повторил он.

Корд поспешно вставил в диффузор лаванду, включил режим распыления и поспешил через комнату к своему жениху.

Жениху!

В самый разгар Франклин вырвался из кухни, вошел в спальню и бочком попытался забраться на кровать.

– Твоя... чертова... собака, – сказал Джованни.

– Наша собака, – поправил его Корд. – Да, да, это теперь НАША СОБАКА, ДЖОВАННИ! Франклин взглянул на обоих с отвращением.

Потом Джованни закурил сигарету.

– И все-таки, какие у тебя планы насчет пса? – спросил он.

– В каком смысле? – Корд следил за выражением лица Джованни. Одиноким голосом в голове сказал: *Сейчас он потребует, чтобы ты избавился от Франклина. Скажет – или он, или собака, выбирай.*

– В смысле нашего венчания, – ответил Джованни. – Он поведет нас к алтарю, а на ленточке вокруг шеи будут висеть обручальные кольца? Или он будет подружкой невесты и понесет букетик вместе с дочками твоей сестры и множеством моих прелестных племянниц?

Спазм в животе (вечный предвестник краха) отпустил.

– Он понесет наши кольца, – сказал Корд.

– Класс, мне нравится, – сказал Джованни.

Корд смотрел, как струится к потолку струйка дыма от сигареты Джованни. Он закрыл глаза. Его переполняло счастье. В этом и состояла радость выздоровления: ты открываешь двери для боли, терзания, но вместе с ними входит и радость – полновесная, сияющая и чистая как слеза.

²⁷ Район, входящий в состав Ист-Виллидж в Нижнем Манхэттене.

Джованни продолжал что-то говорить, но Корд выключил его голос, глубоко вдыхая запах лаванды вперемешку с сигаретным дымом.

– Ты меня слушаешь или нет? – спросил Джованни.

– Прости, что?

– Я сказал, – повторил Джованни, – что мы вместе больше года и *помолвлены*. Когда я познакомлюсь с твоей мамой и сестрами?

– Я скажу когда. – Корд сел в кровати. – Мне нужно еще доделать кое-какие дела.

Джованни выглядел обиженным, явно намереваясь прекратить этот разговор. Вздохнув, он спросил:

– У тебя что, тайная встреча в супер-пуперской компании, благодаря которой мы разбогатеет?

– Если я раскрою секрет, мне придется убить тебя.

– Ух ты. И когда я смогу уйти на отдых? – спросил двадцатипятилетний Джованни, который всего лишь третий год преподавал рисование в средней школе и итальянский язык – в Дальтонской школе искусств.

– Скоро, – ответил Корд. На носу было размещение IPO²⁸ компании «Третий глаз», и тогда Корд получит свою долю и здорово разбогатеет. *Если только* их продукт, связанный с виртуальной реальностью, действительно такой потрясный, в чем Корд был абсолютно уверен. Он «испытал» его на собственной шкуре 535 дней назад, когда напился в последний раз и оказался в полной отключке.

Джованни затушил сигарету в пепельнице, стыренной Кордом в юные годы в гостинице «Плаза».

– Ты со мной ради моих денег? – спросил Корд шутливым тоном, а его одинокий голос ответил: *Да*.

– Я с тобой ради твоего тела, – сказал Джованни.

Корд улыбнулся. Все-таки встречи с персональным психологом Тэтчером не прошли даром.

– Так ты меня предупредишь? – спросил Джованни. – Ну, насчет моего знакомства с Шарлоттой Перкинс?

– Не называй ее так.

– А как я должен ее называть?

– Не знаю. – Корд поднялся с кровати. – Правда не знаю.

– Я не из тех, кто долго ждет и мучается, – мягко сказал Джованни, но слова прозвучали как пощечина. (Одинокий голос потом будет повторять их весь день.)

Джованни родился в американо-итальянской семье, и свой каминг-аут совершил в тринадцать лет. Стал президентом клуба ЛГБТИ²⁹ в своей школе, о чем в Деревенской дневной школе Саванны и слыхом не слыхивали, ибо в 1980-х годах в их городе не было ни Л, ни Г, ни Б, ни Т, и уже тем более И. Корд настолько долго жил в двух разных мирах, что уже нарисовалось два Корда: один на Манхэттене, а другой – тот, что временами навещал своих в Саванне.

Саванный Корд: во всем правильный, немного нервный, уходящий от вопросов, рвущийся обратно в Нью-Йорк, ибо каждая минута притворства превращалась в муку. Зная, что сильно огорчает свою мать, он тем не менее перестал быть Саванным Кордом вот уже как семь лет. Но невозможно полностью прервать отношения с семьей. Или все-таки можно?

Попытаться стоит.

Он общался с каждой из сестер по электронной почте и через эсэмэс, пересылая фотки, обмениваясь шуточками, соревнуясь в остроумии. (Причем никто из них заведомо не повто-

²⁸ Первое публичное предложение акций компании для продажи на бирже.

²⁹ Аббревиатура для обозначения сообщества лесбиянок, геев, бисексуалов, транссексуалов и интерсексуалов.

рялся: между сестрами возникла воистину шекспировская вражда, и каждая оградилась от другой каменной стеной.) Реган засыпала Корда gifками женщин в разной степени офигевания – рвущих на себе волосы (*OMG, WTF*)³⁰ или с огромными бокалами в руках (*TGIF!*)³¹. Ли с Кордом обменивались фотками людей в полоумных прикидах, сопровождая их язвительными комментариями вроде – «очередная Джоан Риверз³² на красной дорожке жизни». Являлось ли это проявлением родственных отношений или от семьи остались одни лишь фантомы?

А действительно родные братья и сестры при встрече становятся такими, как в детстве? И возможно ли повзрослеть, по-прежнему присутствуя в жизни друг друга? Может быть, отстраненность – это нормальное, здоровое проявление личности? Но если так, то почему порой Корду казалось, словно его лишили руки или ноги? Или аппендикса – сразу двух, потому что эти аппендиксы перестали общаться по вине хирурга, которого звали Мэттом.

Эх, Мэтт. Корду даже было жалко его – бедняга попал в сети сразу двух девиц Перкинс. Но Корд покривил бы душой, сказав, что не желает ему смерти – на его похоронах произошло бы счастливое примирение сестер.

Корд старался не обижаться на то, что никто из его близких не интересуется его личной жизнью. Он также не копался в собственных мотивах, почему он все-таки скрывает свою ориентацию. Скорее всего, сестры знают, что он гей, и им все равно. Истоки этого сбоя крылись в самом Корде, его детских страхах и самоедстве. По словам его АА куратора Хэнди (в детстве тот снимался в кино), все это нужно «распаковать». Но Корд продолжал таскать за собой этот эмоциональный чемоданчик, глухо застегнутый на все ремни и молнии.

– Ты меня слушаешь? – Джованни проследовал за возлюбленным на кухню, где лежал телефон Корда с тремя пропущенными звонками от Шарлотты. – Повторяю – я не из тех, кто долго ждет и мучается. Дорогой, это ненормально!

– Я слышу тебя, – сказал Корд, надеясь, что Джованни все-таки оставит эту тему. Каковы его чувства насчет того, чтобы познакомить Джованни со своей матерью? *Черт, никогда, никогда в жизни.*

Позднее вечером Корд купил на Центральном вокзале букет красных роз. Поезд в город Рай³³ отправлялся в 17.43. Хотя Корд уже познакомился с большой семьей Джованни и они были очень добры к нему, он все равно нервничал. Косимус, отец Джованни, проводил свой досуг на диване *La-Z-Boy*³⁴, смотря футбол, а еду и выпивку ему подносила его жена Роуз. В их маленьком домике, пропахшем макаронами зити, вечно толклись многочисленные родственники и друзья. И Корд не знал, как воспримут Ломбарди весть о помолвке своего сына-гея.

Как хочется баночку пива – нет, семь баночек. Корд так и не научился «чувствовать» свои чувства. Когда стамфордская электричка отъехала от вокзала, Корд съел батончик *Twix*. Он знал: надо немного потерпеть, и нервозность пройдет. А там его встретит Джованни, его отрада.

– Я им все сказал, – объявил Джованни, когда они сели, пристегнувшись, в материнскую «Тойоту», и взяли курс на Мид Плейс.

– О, нет, скажи, что это неправда.

– Правда, – ответил Джованни. – Не переживай.

– Меня сейчас стошнит. – Корд опустил стекло, надеясь, что свежий воздух принесет облегчение. Они ехали по Печиз-стрит с ее бесконечными магазинчиками: еда навывнос *June atr*; Но, «Свежее Мясо от Крисфилда», потом клиника окулиста, ювелирный магазин. Джо-

³⁰ Англ. OMG (Oh my God) – О боже! Англ. WTF (What the fuck) – Какого черта!

³¹ Англ. Thank God it's Friday – Спасибо, что наступила пятница.

³² Американская комедийная актриса, стендап-комик, телеведущая, сценарист и продюсер, обладательница премий «Эмми» и «Грэмми».

³³ Маленький прибрежный город в округе Уэстчестер, Нью-Йорк.

³⁴ Американский производитель мебели.

ванни рассказывал, что в детстве родители посылали его в сигаретную лавку, и Роуз всегда добавляла мелочи, чтобы ее сыночек купил себе пакетик жевательных конфет в форме рыбок.

– Не понимаю, чего ты стыдишься, – сказал наконец Джованни.

Корд взглянул на него: Джованни хмурился.

– Я... – попытался сказать Корд.

– Это же здорово, – продолжил Джованни. – Я был на куче свадеб, когда моих сестер и кузин засыпали цветами. А сегодня – *мой* день. То есть *наши*. И меня беспокоит, что именно ты воспринимаешь это как нечто неподобающее.

– Прости, – сказал Корд.

– Возьми себя в руки, – бросил Джованни, подруливая к родительскому дому.

Корда накрыл страх – по-другому и не сказать. Одиноким голос был голосом отца, который требовательно повторял: *Возьми себя в руки, в конце концов, и сделай как надо*. Так бывало, когда у Корда не получалось поймать бейсбольный мяч.

– Приехали, – сказал Джованни.

– Прости, – сказал Корд. Он долго вылезал из машины, перед глазами все поплыло, как будто сейчас он грохнется в обморок.

– Да что ж такое? – с обидой произнес Джованни. – Почему бы тебе не гордиться собой?

Корд не успел ничего ответить, потому что дверь распахнулась, и к ним выбежала Роуз. Полная женщина в полиэстровых лосинах, в футболке и фартуке. У нее были седые до плеч волосы, на лице – аляповатая косметика и огромные накладные ресницы. Она сразу же заключила Корда в объятия. От нее пахло цветочным парфюмом и помидорами. Корду сразу полегчало. Одиноким голос молчал.

– Корд, я приготовила макароны зити. Ты поешь с нами?

Как хорошо в объятиях матери, принимающей тебя таким, какой ты есть.

7 / Реган

Реган проснулась в комнате дочери. Страдая от бессонницы, она частенько приходила к Флоре. Прильнув к своей сладкой девочке, она чувствовала себя в большей безопасности, чем рядом с собственным мужем.

Какое-то время Реган просто лежала и смотрела, как дышит Флора, любуясь изгибом ее носа и черными ресницами, контрастирующими с молочно-белой кожей. Сейчас она даже засомневалась в своем плане. Впрочем, она клятвенно пообещала себе, что с Флорой все будет хорошо.

Реган встала с кровати, потянулась в своей шелковой пижаме и прошлепала по коридору в сторону супружеской спальни. Мэтт спал, откинув в сторону одну руку, словно пытался до чего-то дотянуться. Рот его был открыт, он громко и бессовестно храпел. И Реган подумала уже не в первый раз: как он умудряется вести себя так непринужденно? Про себя Реган полагала, что ее бессонница взялась от страха потерять контроль над собой. В старших классах ее учитель рисования Альфонсо Рэгдейл говорил, что она очень красивая во сне. Если задним числом отместить грязную подоплеку данного комплимента, Реган вдруг подумала: а не получилось ли так, что подсознательно она решила, что должна быть прекрасна во сне *всегда* – и эта установка только разрушала ее и мешала расслабиться.

Сейчас Реган находилась в некотором смятении. Накануне позвонила мать и сообщила престранную новость: она выиграла круиз по Средиземноморью и хочет, чтобы ее дети присоединились к ней. И сама Реган, и ее брат с сестрой. «Дорогая, прошу тебя, – попросила Шарлотта. – Пока я не ушла из этого мира, позволь мне свозить вас в Европу».

Ее мать любила пафос.

– Прощу тебя! – громко повторила в трубку Шарлотта.

– Даже не знаю, что сказать. – Меньше всего на свете Реган хотела променять детей на путешествие в компании собственной матери, сестры и брата.

Пять онлайн-сеансов с психотерапевтом показали Реган, насколько все они для нее токсичны. Терапевт сказал тогда: следует принять тот факт, что они стали друг другу чужие. Нужно примириться с этим. Вот Реган и пыталась примириться. Только она скучала по ним, вот так. Иногда ей снилось, как втроем они прыгают на огромном батуте, а Шарлотта смотрит на них и разливает лимонад. Это был такой кайф – взлетать все выше и выше! Во сне Реган даже не описалась, хотя в реальной жизни с ней такое случалось во время прыганья на батуте.

– Ну, пожалуйста, – не унималась Шарлотта. – Ты же моя каляка-маляка.

Когда мать назвала ее так, Реган растаяла. После внезапной смерти Уинстона от сердечного приступа, Ли и Корд оказались слишком заняты, чтобы общаться с Шарлоттой. В их арендованном доме именно Реган оставалась с матерью на их маленькой кухне, когда та ужинала после работы. Реган забиралась на высокий стул, облокотившись о разделочный столик, сидела, болтая ногами, и смотрела на маму.

– И что бы я делала без моей любимой каляки-маляки? – говорила тогда Шарлотта. Скинув с уставших ног туфли на высоких каблуках, она входила на кухню, наливала себе вина и заглядывала в холодильник – что у нас тут есть покушать?

Десятилетняя Реган, зардевшись от счастья, приглашала Шарлотту присесть, накладывала ей в тарелку вареные овощи с хумусом, доливала в бокал вина. Иногда Реган выдумывала историю о всяких недостойных проделках одноклассниц, а Шарлотта гордилась, что ее дочь так уважают, хотя на самом деле Реган чувствовала себя одинокой и ушибленной, донашивая

одежду за старшей сестрой, да еще с какого-то припеку оказавшись членом *УМСА*³⁵, куда в основном входили только мальчики.

По выходным, когда мать и Корд с Ли отсыпались, Реган собирала их грязное белье и закидывала в стиральную машину, что стояла в подвале. Через некоторое время у дверей каждого члена семьи стояло по корзине чистого и аккуратно сложенного белья.

Реган вздохнула, вспомнив себя десятилетнюю – босую, с конопутками и французскими косичками. Как бы поступила та Реган в сегодняшней ситуации? Реган даже покраснела, представив, что подумает о ней та прежняя девочка. Она назовет ее *домашней клушей* и размазней. Реган знала, что та, другая, Реган давно бы свалила из города.

Реган пыталась сделать так, чтобы Мэтт снова полюбил ее. Она старалась годами, но постепенно сдалась, сказав себе, что пусть они будут как друзья или соседи. Но прежняя Реган ни за что бы не позволила друзьям так обращаться с собой. Хуже того, это происходило на глазах дочерей. А потом он начал и к ним придирается. Реган лишь один раз подняла тему развода – после нескольких бокалов вина.

– Если мы разойдемся, – робко сказала она, – возможно, так будет лучше для каждого из нас.

Он повернулся к ней с ледяным лицом. А потом швырнул бокал об пол, и тот разбился с громким звоном.

– Тихо, девочки спят, – сказала Реган.

– Девочки? – ответил Мэтт. – И после этого ты говоришь мне, что *волнуешься* о них?

– Мэтт, просто...

– Если ты уйдешь от меня, то ничего не получишь. Это я точно тебе говорю.

– Но, Мэтт...

– Нет и еще раз нет! – Он так сильно схватил ее за предплечье, что зашлось сердце. – Я не хочу быть гребаным неудачником.

Я тоже, – сказала тогда Реган, обращаясь к самой себе.

– Так ты хочешь заделаться путешественником, каляка-маляка? – спросила Шарлотта.

– А как же Флора с Изабеллой? – сказала Реган.

– Отошли их в недельный лагерь, – предложила Шарлотта. – Ты же *любила* недельный лагерь.

– Нет, это ты говоришь про Ли, – сказала Реган. – Я ходила в дневной лагерь. – И сразу нахлынули воспоминания: вот она стоит в огромном спортивном зале баскетбольного лагеря, и кругом одни мальчишки. Воняет их потом и носками. Вот Реган берет из рюкзака блокнот для рисования и прячется в закутке среди трибун, рисует русалок из подводного царства. А потом пора идти домой. Она уходит, морщась от стука баскетбольных мячей и скрипа кроссовок на резиновом полу.

– Ну да, неважно, – отмахивается Шарлотта.

– У меня нет заграничного паспорта, – говорит Реган.

– Мой тоже просрочен, – вспоминает Шарлотта. – Но мы быстренько все устроим, займемся оформлением документов вместе.

– Это что, все правда? – спрашивает Реган.

– Да! – говорит Шарлотта.

Реган подобрала для девочек лагерь верховой езды в Восточной Джорджии, и они были в восторге. Осталось только ввести в курс дела Мэтта. Он спал, а она глядела на него. Он был высокий, крепко сбитый, с намечающейся лысиной и небольшим брюшком. А Реган помнила

³⁵ *Англ.* Young Men's Christian Association – молодежная волонтерская организация.

его футбольной звездой, он тогда был парнем Ли, и именно ему Реган решила позвонить, когда передумала сбегать с мистером Регдейлом. И Мэтт приехал и спас ее от учителя рисования – увез на своем «Харли-Дэвидсоне». К тому времени Ли уже бросила Мэтта и уехала в Лос-Анджелес.

Их роман развивался медленно. Мэтт поговорил с Шарлоттой насчет мистера Регдейла и настоял, что Реган ни в чем не виновата. Мэтт говорил, что нужно обратиться в полицию, но Реган просто хотела забыть обо всем как о страшном сне, и Шарлотта согласилась больше не поднимать этот вопрос. Следующей осенью Реган перевелась в другую школу, ей оставалось учиться один год. Мэтт устроился на подготовительные медицинские курсы при Техническом колледже Саванны, подрабатывая в баре *Pinkie Masters*. Когда Реган заскакивала туда со своими подружками, Мэтт бесплатно их угощал. (Поскольку у нее имелся поддельный документ, что она родом из Монтгомери, штат Алабама, в самый первый раз Реган выбрала именно коктейль «Алабама Сламмер». Но она не любила спиртное и после первого же бокала переключалась на «Спрайт»).

Как-то вечером Реган заявила одна. Был вечер караоке. Реган пила содовую и готовилась к выпускному экзамену по английскому. Вдруг в микрофоне зазвучал голос Мэтта.

– Посвящаю эту песню моему ангелу из Монтгомери, – сказал он.

Оторвавшись от тетрадки, Реган подняла голову. Он смотрел на нее и улыбался. Он спел тогда песню Бонни Райт³⁶. Голос его был низкий, бархатный. Реган даже боялась дышать. Именно тогда она поняла, что, возможно, мечта всей ее жизни сбывается.

– Стань моей последней соломинкой, – пел воркующим голосом Мэтт.

Реган прикусила губу и кивнула.

Они занялись любовью накануне ее восемнадцатилетия, за два месяца до начала учебы в Нью-Йоркском университете. Когда он вошел в нее, глядя ей прямо в глаза, вошел нежно, все повторяя и повторяя ее имя, Реган уже знала, что никогда не покинет Саванну. Он был ее любовью, ее домом.

Реган посмотрела на спящего мужа. На секунду она пожалела, что оставила его тогда одного в «Бонна Бэлла». Но было слишком поздно.

Мэтт открыл глаза.

– Привет, – сказал он.

Стань моей последней соломинкой.

– Моя мама выиграла круиз, – сказала Реган. – Я устроила девочек в недельный лагерь. Мы отправляемся в круиз всей семьей.

– Что?

– Какое-то время меня не будет. – В голосе Реган звучало сомнение.

– Ммм... – Мэтт закрыл глаза. Реган подумала, что он заснул, но он снова открыл глаза.

Их взгляды схлестнулись.

– Я еду с тобой, – сказал он.

³⁶ Американская певица, гитаристка, автор и исполнитель песен в стилях блюз, кантри, рок, фолк.

8 / Ли

Вот уж Ли не думала, что в первый раз полетит в Европу в обществе матери. Но тем и хороши социальные сети, что можно мухлевать сколько хочешь. Например, попросив Шарлотту сделать в зале ожидания аэропорта фото беззаботной Ли со скрещенными ногами в прекрасных туфельках и запостив фото в Сеть, можно сразу же переобуться в шлепки, припасенные в рюкзаке.

Шарлотта намучилась со своим громоздким чемоданом, отказавшись заранее проверить его дома. Узнав, что выиграла конкурс, Шарлотта перерыла всю кладовку, вытаскивая на свет старые чемоданы и без конца повторяя, что ей *столько всего нужно успеть*, чтобы подготовиться к путешествию. Когда Ли спросила, почему она так переживает, Шарлотта заломила руки и сказала:

– Почему? Нам же потребуются санитайзеры и крекеры с кокосовым маслом!

И тогда Ли отправилась на гольф-мобиле в «Пабликс», где загрузилась маленькими упаковками санитайзеров и крекеров, прикупив еще женские журналы и вино. Затем она задержалась возле цветочного отдела и выбрала букет.

– Я люблю тебя, мамочка, – сказала она дома, вручая Шарлотте цветы.

– Дорогая моя... – Шарлотта была тронута.

Время поджимало, и Ли радовалась возможности отвлечься от таблоидов, в которых мелькали Джейсон с Александрией. Как романтично они проводят время в солнечном Лос-Анджелесе: вот они входят в тренажерный зал, покидают тренажерный зал, выгуливают щенка, взятого из приюта Американского общества по предотвращению жестокого обращения с животными. (Щенок Вермишелька – забавная помесь шнауцера и пуделя.) А вот как они проводят вечера: поедание вдвоем суши; вечеринка в честь дня рождения Лайонела Ричи³⁷; вот они выгуливают Вермишельку, купив себе по рожку мороженого.

Когда у Александрии спросили, почему они дали щенку такое имя, та рассмеялась: «Наверное, из-за моей любви к вермишели».

«Да-да, – говорит в микрофон ее влюбленный качок. – Она и впрямь любит вермишель».

– Какой дурак не любит вермишель?! – кричит Ли, швыряя сотовый на кровать.

– Что случилось, дорогая? – слышится из коридора голос Шарлотты.

– НИЧЕГО! – кричит Ли.

– Тебе приготовить на ужин вермишель? – В дверях появляется Шарлотта, на ней купальник и козырек от солнца.

Ли грустно кивает, в уголках ее глаз стоят слезы.

Возле терминала С-22 Ли подбегает к матери, чтобы забрать у нее круглый чемоданчик. Что это? Шляпная коробка?

– Мам, дай помогу. – Она хватается за ручку, и та отрывается.

– Мой чемоданчик! – восклицает Шарлотта.

– Купим тебе в Европе новый, – успокаивает ее Ли.

– Но именно с этими чемоданами я путешествовала в прошлый раз, – говорит Шарлотта. – Они сделаны во Франции.

В прошлый раз? У Ли портится настроение. Она читала о том, что старые люди часто становятся скопидами – это их способ контролировать действительность. Собственно, Ли

³⁷ Американский поп-исполнитель, который наряду с Майклом Джексонном царил на олимпе мировой поп-музыки в первой половине 1980-х гг.

сама играла такую скопидомку в одном из эпизодов сериала «Место преступления»³⁸. Ее героиня – скопидомка и проститутка в одном флаконе. На Ли тогда напялили рыжий парик и бордовое нижнее белье. Для просмотра эпизода Ли с Джейсоном устроили большую вечеринку, и все подняли бокалы и чокнулись после ее короткой реплики на экране: «Я думала, что ты придешь завтра, и не успела убраться».

Дзынь-дзынь. Жизнь тогда казалась прекрасной.

Ли примостилась возле Шарлотты. Они сидели в зоне ожидания, Шарлотта растерянно теребила в руках оторванную чемоданную ручку. Ну и где Корд теперь, когда он им особенно нужен? Он всегда умел успокоить Шарлотту – заботился о ней, чтобы она не нервничала. В четырнадцать лет он стал единственным мужчиной в доме. Но они увидятся с ним только в Афинах.

По просьбе брата Ли поменяла Корду билет, чтобы он мог прилететь сразу в Грецию. Они успели перекинуться эсэмэсками на предмет моды «круизников». Стоило кому-то из них заприметить человека с поясной сумкой или в уродских солнечных очках на носу, сразу же прилетала фотка с тэгом *#круизник*. Ли нравилось переписываться с братом. Это лучше, чем разговаривать. В каком-то смысле он был ей ближе всех в семье, потому что они списывались по много раз в день. Ли догадывалась, что Корд тоже одинок и ждет возможности посидеть вместе за коктейлем в причудливом корабельном баре, чтобы обменяться историями о том, как их жизни уперлись в глухую стенку.

– Мам, мне правда жалко, что ручка оторвалась, – сказала Ли.

Шарлотта казалась раздавленной, и Ли окатила волна страха. Подбадривающие взгляды Шарлотты, ее так себе вино и прекрасные обеды – сам факт ее существования и то, что каждый вечер, положив на колени Годиву, она неизменно смотрит программу с Брайном Уильямсом³⁹, держали ее дочь на плаву. Даже странно, насколько сильно Ли нуждалась в Шарлотте. Пока она рядом, можно побыть нерадивым ребенком, зная, что придет мама, подберет разбросанные вещи и все разложит по местам. Ли обожала, когда, как в школьные годы, по утрам в выходные, за дверью ее ждала корзинка с аккуратно сложенной и постиранной одеждой.

– Мам, – мягко сказала Ли, – ты не забыла, что мы летим в Европу?

Шарлотта подняла на нее глаза и с почти детским удивлением повторила:

– Мы летим в Европу.

– Именно.

– Ли, – сказала Шарлотта.

– Что?

– Ты уже не в том возрасте, чтобы носить такие короткие юбки.

И тут понеслось. В нее словно бес вселился, и она даже стала получать от этого удовольствие.

– А вот и нет! – Она и сама понимала, что ведет себя как упрямый подросток. Эх, как же ей хочется побыть этим самым упрямым подростком. Быть взрослым – ужасно.

– Позволь с тобой не согласиться, – возразила Шарлотта. – И заberi свой сотовый.

Нахлынула детская обида и злость на саму себя. И когда уже она перестанет добиваться материнской благосклонности?

Ли придиричиво посмотрела на сделанный Шарлоттой снимок себя в туфлях, пропустила его через фильтр, добавила яркости, обрезала и запостила в Инстаграм, на Фейсбук, в Тумблер, Снэпчат и Твиттер с хештегами *#круизники#летимвЕвропу#туфлиДжиммиЧу#bonvoyage!*

На секунду Ли вдруг поняла, что прямо сейчас живет точь-в-точь по своей карте желаний. Вырезая и наклеивая картинки, она мечтала именно о путешествии. И именно эти хештеги

³⁸ Американский телесериал о работе сотрудников криминалистической лаборатории Лас-Вегаса.

³⁹ Американский телеведущий и главный редактор вечерних новостей NBC.

она представляла себе, когда, по настоянию Джейсона, медитировала три утра подряд. И вот оно сбылось.

Может, все действительно будет хорошо. После двух недель домашней кормежки, приема тайленола⁴⁰ и общения с благодарной слушательницей (Шарлоттой), ловившей каждое ее слово и искренне верившей, что у дочери всего лишь передышка перед большим кинопроектом, Ли стала гораздо спокойней. Чем больше она врала о своей карьере, тем больше верила в это сама. Живот больше не сводило, мысли перестали нестись бешеными табунами, и на деньги Шарлотты она купила себе в *T. J. Maxx* отдельный купальник и поразила всех, провальсировав в нем вокруг бассейна в «Маршвуд Пул». Да, на нее продолжали глазеть мужчины, но Ли знала, что это как костыль или как приложить лед к пылающему своей очевидностью факту – что жизнь летит к чертям. Ну, хотя бы временное облегчение.

В районе Лэндингз Ли боялась пересечься с Реган – на дорожке ли для гольф-мобилей, или возле водяной горки во «Франклин Крик Пул», где Реган запросто могла кататься со своими девочками. Но встреча не состоялась. На какой-то момент у Ли возник порыв самой забежать в гости к сестре, но она предпочла отложить и без того неизбежную встречу. Они с Реган не разговаривали целых десять лет! Первые полгода после предсвадебной стычки Ли упорно набирала номер сестры, но та не снимала трубку, и в итоге Ли обиделась и не стала навязываться. В конце концов, она не виновата, что так вышло. Ну, почти не виновата.

А ведь они были так близки когда-то, катались вдвоем на роликах дотемна. Держась за руки, нарезали круги по окрестностям, а теплый ветер бил им в лицо.

Можно ли было поступить по-другому? Ну, во-первых, Ли могла бы не реагировать на слова Мэтта. Она уже сто раз пожалела, что не сдержалась тогда в туалете ресторана «Элизабет», что на Тридцать четвертой улице. Нужно было просто обнять Реган и поздравить ее со свадьбой. Но тогда бы вышло, что она обманывает свою сестру.

Ли помнила, как Мэтт, стоя под дождем, схватил ее за плечи и сказал: *Если ты вернешься, я готов остановить все это. Пожалуйста.*

Ли слотнула, вспоминая то давнишнее смятение. Она посмотрела в телефон: ее пост уже собрал кучу лайков и сердечек.

– Реган! – воскликнула вдруг Шарлотта. – Реган пришла!

Ли подняла голову и увидела свою сестру. Она выглядела блистательно, другого слова и не подберешь. Немного расплнела, но оставалась офигенски хороша в умело подобранном черном комбинезоне без рукавов и в джинсовой куртке. Солнечные очки со стразами обручем поддерживали ее густые каштановые волосы. Ли почувствовала острый укол ревности.

– Сюда! – Шарлотта уже стояла и махала руками. – Реган, мы тут! Шарлотта обняла младшую дочь, а Ли молча стояла в сторонке, чувствуя неловкость. А ведь ей так хотелось сказать: *Прости. Я тебя люблю. У тебя есть все, чего ты хотела. И хоть теперь-то взгляни на меня.*

Ли опустила взгляд на свою короткую юбочку. На фоне элегантной и женственной Реган она вдруг почувствовала себя безвкусовой фифой. И что вообще она пытается всем доказать? Ли закрыла глаза и сделала глубокий вдох, чтобы вернуть себе прежнюю уверенность. Она вспомнила, как задержался на ее коленках взгляд водителя «Убера», когда она вылезала из его «Хонды Пилота». Что еще она могла предложить миру кроме собственной привлекательности?

– Вот вы где, – сказал подошедший к ним Мэтт. Ли удивилась, как поредели его волосы, да он почти лысый! Но в дорогом костюме и лоферах.

– Ты что, теперь носишь лоферы? – сказала Ли. Она не пыталась с ним кокетничать, но фраза прозвучала игриво.

⁴⁰ Анальгетическое ненаркотическое лекарство на основе парацетамола.

– Ну да. – Взгляд Мэтта весело вспыхнул. – Нравится?

– Я не люблю лоферы, – ответила Ли.

Мэтт приобнял Реган и притянул ее к себе:

– Мне их купила Реган.

– О... – сказала Реган. Казалось, ей было неприятно, что Мэтт ее касается. – Но ты же сам хотел, чтобы...

– Все хорошо, – резко произнес Мэтт. Ли захлопала ресницами: у него голос был как у отца. Боже, подумала она. Мэтт превращается в лысеющего Уинстона. Может, именно поэтому она и выбрала его сто лет тому назад?

Ли влюбилась в Мэтта с первого взгляда (он шел по коридору Деревенской дневной школы Саванны с таким видом, словно *он тут главный*). Мэтт, парень из ее школы, быстрый как ртуть футбольный защитник, уверенный в себе, с хорошо подвешенным языком и внутренне раскрепощенный – в нем было все, чего так не хватало самой Ли. Но сейчас ее охватил страх. Реган была какая-то бледная. Неужели Мэтт обижает ее?

Реган взглянула на сестру, вид у той был грустный.

– Ты очень красивая, – сказала Ли.

– Я тебя умоляю. – И все же Реган залилась румянцем, а Ли вспомнила ее вечерние детские представления. Реган раздавала всем самодельные билетки на свое «музыкальное шоу», которое должно было состояться на задней веранде. Стоя в ночной рубашке на лужайке, она приветствовала зрителей и собирала билетки. А потом пела для всех своим чистым ангельским голоском. И когда Реган умолкала и все начинали хлопать, она смущенно опускала голову и краснела – прямо как сейчас.

Ли порывисто обняла сестру. Реган вся напряглась и отстранилась. Только запах ее остался прежним – она пахла детской присыпкой и земляничным шампунем.

9 / Шарлотта

Сидя в первом классе самолета (с наброшенным на ноги флисовым пледом, перед ней на откидном столике – чаша с подогретым ореховым миксом), Шарлотта кидала взгляды на своих дочерей. Поднявшись в самолет, Ли сразу же начала пить вино и болтать с соседом – молодым бородачом. Сейчас она угомонилась и крепко спала, слегка приоткрыв рот. Реган задумчиво смотрела в иллюминатор. Шарлотте хотелось понять, о чем она сейчас думает.

Шарлотта знала, что слишком резко реагирует на вычурные, объемные наряды Реган. К чему носить все эти попугаистые балахоны, если можно просто сесть на диету! Шарлотта корила себя за такие осуждающие мысли, словно *это она сама* что-то сделала не так.

Постепенно Шарлотта стала мягче с Реган – в конце концов, она была единственной из всех, кто остался подле нее. Но каждый раз, вспоминая о раболепии Реган перед Мэттом, о ее гиперопеке по отношению к детям, Шарлотта грустнела. Сама Шарлотта прошла через долгий и болезненный опыт, чтобы кое-что понять в этой жизни, но Реган и слушать ее не хотела. Она считала свою мать глупой, а ее советы – бессмысленными. Впрочем, сама Шарлотта избегала подобного с собой обращения – ее ранило, когда кто-то считает ее малым ребенком.

Реган помнила Шарлотту в ее худшую пору, когда та уже была одинокой матерью, вынужденной на всем экономить и потакать клиентам-нуворишам и просто обеспеченным людям. Должно быть, в представлении Реган судьба Шарлотты была антипримером: смотри, что с тобой будет, если твой муж уйдет от тебя. Ты останешься одна. Ты начнешь плакать при детях. Ты будешь пахать как проклятая, и из этого не выйдет никакого толку. Теперь, когда Шарлотта сумела вернуть себе хотя бы толику своего прежнего достоинства, ей не нравилось думать, что Реган, которая была свидетелем ее надлома и различных срывов, думает о ней, исходя из этого. Но Реган еще не видела самого страшного!

Правда состояла в том, что Шарлотта завидовала собственной дочери, но некоторая отстраненность позволяла ей не особо углубляться в собственное чувство вины и причины такой ревности.

Шарлотта не очень-то обрадовалась, что Мэтт присоединился к их семейному мероприятию. Но, поскольку он сам платил за себя, высказывание каких-либо возражений выглядело бы как попытка устроить скандал. Ну да, мило с его стороны, но Шарлотта все равно чувствовала раздражение. Мэтт был хирургом-ортопедом, и оставалось надеяться, что его срочно отзовут на работу. Шарлотта будет отправлять в небо экспресс-молитвы, чтобы именно так и произошло. Мэтт уже наломал немало дров в их семье.

Может статься, что сама Шарлотта была виновата в своем несчастном браке, она этого не исключала. Она не могла найти хоть что-то, за что стоило бы себя ругать, но в ее замужестве как в зеркале отразилось ее собственное одинокое детство, а как залечить эту рану или заставить ее хоть немного затянуться, она не знала. Шарлотта надеялась, что эта поездка сплотит вокруг нее детей. Но самолет уже уносил их в Афины, а она чувствовала себя выбитой из колеи.

Уж лучше бы она принимала снотворное. Шарлотта закрыла глаза, призывая сон, но вместо этого перед глазами всплывало лицо матери со складкой на лбу и с кроваво-красной помадой, наплывающей в трещинки Луизиных губ. А ее сигареты «Парламент» пахли красным вином.

Когда отца перевели во Францию, восьмилетняя Шарлотта осталась в Вашингтоне со своей няней. В десять лет ее отправили в школу-пансион. Это не воспринималось как наказание, а было обычным делом в дипломатических кругах. Ее отец Ричард был старше своей жены на двадцать восемь лет. Он казался Шарлотте чужим незнакомым дедушкой, и больше всего на свете ей хотелось, чтобы он обратил на нее внимание.

Мать Шарлотты была, так сказать, королевой бала. Даже когда ее дочь гостила дома на каникулах, Луиза (у нее была отдельная от мужа спальня, и она всегда завтракала в кровати) уже в 8.30 сидела как штук за рабочим столом. Она обрабатывала корреспонденцию, а затем беседовала с управляющей домом, которая имела под своим началом штат из семнадцати человек. На пятнадцать минут к Луизе заглядывал шеф-повар, и почти каждый день в доме проходили званые обеды. После полудня Луиза занималась шопингом, посещала парикмахера, а с пяти до шести вечера взяла за правило обязательно общаться с дочерью. (В это время Шарлотта обычно принимала ванну. Ее мать садилась на туалетный бачок, попивая шерри. Ее взгляд, скользя по розовым плечам Шарлотты, устремлялся в окно, из которого открывался вид на восьмой округ.)

По вечерам родители отправлялись на прием, на выставку, на банкет или на долгий званый ужин. В свободное время Луиза подтягивала знание семи языков (французский, итальянский, немецкий, шведский, венгерский, японский, китайский) или писала исторический роман.

Шарлотта пыталась заснуть одна, но довольно часто, в ночи, зная, что няня Эмэ уже спит, она крадучись спускалась по лестнице в ее комнату и сворачивалась подле нее клубочком, вдыхая тепло этой крепко сбитой деревенской женщины, чувствуя себя в Париже еще более неуютно, чем сама Шарлотта. Проснувшись утром, Шарлотта обнаруживала, что одеялко подоткнуто, а постель все еще хранит запахи няни.

Летом 1960 года, когда ей исполнилось шестнадцать, Шарлотта прилетела домой на каникулы, но Эмэ не застала. Ее не было ни в одной из трех кухонь, ни в безукоризненно подстриженном саду. В своей комнате, где все чемоданы уже были распакованы, а вещи разложены по полкам и развешаны по плечикам, Шарлотта обнаружила записку от матери, из которой стало очевидно, что это лето она проведет в полном одиночестве.

Дорогая Шарлотта, я не хотела сообщать тебе об этом в письме, но зимой Эмэ заболела и умерла. Как ты прекрасно знаешь, она очень тебя любила и наверняка хотела бы, чтобы ты с теплом вспоминала о ней, и чтобы она могла гордиться за каждый твой помысел и поступок. Мы с папой отправились на званый ужин, который никак нельзя пропустить, но мы рады, что ты приехала. Увидимся завтра днем.

С любовью,

Твоя мама

И, как всегда, не было никаких обсуждений, не было места отчаянию – и никакой надежды, что кто-то тебя пожалеет. В родительском доме эмоции считались дурным тоном, они просто отрицались. Сила человека, учили ее, состоит в том, чтобы полагаться на саму себя, уметь справляться с трудностями, опираясь на железную волю. У Луизы была такая любимая фраза – *ну, а помимо этого...* Что означало: как есть так и есть. Двигайся дальше и больше не говори об этом.

Из комнаты Шарлотты открывался широкий обзор улицы Фобур-Сент-Оноре с чопорными зданиями, чьи квадратные окна были убраны в маркизы, похожие на оправленные благовоспитанной рукой юбочки. Мимо дорогих магазинов со степенным достоинством проезжали, шурша, машины. Шарлотта уже была слишком взрослой, чтобы плакать, поэтому она просто неподвижно стояла и смотрела в окно. Словно ждала какого-то события. Вот уже закрылись магазины, освещение витрин отбрасывало на асфальт геометрические тени. Небо сначала стало багровым, а потом черным.

Она тихо отодвинула шпингалет, распахнула окно. Горячий ночной воздух ласкал кожу. Шарлотта вылезла из комнаты, по крыше добралась до дерева и спустилась вниз.

Могла ли она упасть, переломав себе ноги? Конечно, могла. Но этого не случилось. Перебравшись на дерево, она неуклюже начала спускаться, с трудом перебираясь от одной ветки к другой, пока не достигла земли. На воротах стоял охранник, поэтому Шарлотта воспользовалась задней калиткой. Еще минута – и она уже была на улице, вольная пойти куда захочет.

Шарлотта двинулась по улице Риволи. У нее не было никакого четкого плана, поэтому почти час она бродила вдоль Сены, пересекла мост Пон-Неф⁴¹. Он весь сиял огнями, подсвечивая речную рябь. Таким образом Шарлотта добралась до квартала Маре.

К тому времени она уже устала и проголодалась. Она пошла на трели смеха, раздававшиеся из рыбного ресторанчика «Ля Петит Зенг», что на улице Ледрю Роллен. Через окно она увидела столик, за которым собралась молодежь несколькими годами старше ее. Некоторые из парней отрастили бороды, и у всех их спутниц были длинные спутанные волосы. Все женщины курили, и губы их были измазаны красным вином. Наступил решающий момент. Стоит ли вернуться домой и, забравшись в постель, пролежать до утра без сна? Или у нее хватит смелости войти в кафе и приблизиться к этим людям?

Она взялась за ручку двери. Внутри красивый мужчина поднял голову и взглянул на нее. Видел ли он ее тут прежде? Мужчина (собственно, он был тогда совсем молодым юношей!) поднялся с места и пошел к Шарлотте. У него были длинные каштановые волосы до самого воротника и небольшие усики.

У Шарлотты еще была возможность развернуться и убежать.

Шарлотта видела Уинстона через стеклянную дверь, как он идет к ней. Когда он открыл дверь, на нее повеяло табачным дымом и кислотовато-терпким вином. То были запахи (как подумала тогда Шарлотта) взрослого человека.

У него были тонкие обветренные губы. Он наклонился к ней так близко, что Шарлотта решила, что он собирается ее поцеловать. Она уже была взведена почти до истерики, грудь сжимали ужас и осознание, что сейчас, *наконец*, начнется настоящая жизнь. Кровь прихлынула к лицу. Уинстон открыл было рот, чтобы произнести в мерцающей ночи какие-то слова, но тут кто-то потряс Шарлотту за плечи, возвращая ее из прошлого в настоящее.

– Мама, – сказала Реган почти с детской радостью. – Мама, мы прилетели!

– Что? – переспросила Шарлотта.

– Мы в Афинах! – сказала Реган.

⁴¹ Старейший из сохранившихся мостов Парижа через реку Сену.

Часть 2

Афины, Греция

1 / Шарлотта

Когда греческое такси завернуло за угол, Шарлотта увидела «Сплендидо Марвелозо»⁴² – огромный, цвета слоновой кости тринадцатипятиэтажный корабль длиной в тысячу футов, с нахлобученной сверху словно шегольская шляпка водной горкой. Прищурившись, Шарлотта увидела, что вокруг палубы катаются на велосипедах пассажиры. Оранжевые спасательные шлюпки на нижнем ярусе демонстрировали готовность спасти вас от кораблекрушения.

– Ух ты! – сказала Ли, которая вместе с Шарлоттой решила добраться до Пирейского порта. Мэтт отсыпался в гостиничном номере, который заказал ему собственный агент, а Реган с Кордом искали что-нибудь перекусить.

– Сногшибательное зрелище, – сказала Шарлотта.

– Я только что получила письмо от своего агента, – сказала Ли. – «Тебя хотят прослушать на роль в *Трупе Номер Два*, 714-й эпизод сериала „Закон и порядок. Специальный Корпус“⁴³».

– Дорогая, это же прекрасно! Мои поздравления!! – Шарлотта знала, что Ли врет, но решила проигнорировать сей тревожный факт.

– Приехали, – сказал таксист. Вытащив из машины свое грузное тело, он открыл багажник, оставив Шарлотту и Ли Перкинс со всеми их чемоданами прямо посреди огромной парковки. Асфальт буквально плавился под ногами. Двое мужчин в оранжевых рубашках и черных брюках поспешили к женщинам со своими тележками. Ли выхватила у полуобморочной Шарлотты билет на корабль. Греческое солнце нещадно палило. Наверное, под таким же светиллом когда-то Агамемнон⁴⁴ бросился в битву с врагом во время Троянской войны, подумала Шарлотта. И так же, как Агамемнон, Шарлотта была готова сейчас сделать первый шаг в неизвестность...

Пока Ли флиртовала с носильщиками, Шарлотта нетвердой походкой двинулась в сторону серого здания с табличкой – КРУИЗНЫЙ ТЕРМИНАЛ В: ФЕМИСТОКЛ⁴⁵.

– Ли... – Шарлотта обернулась к дочери, прерывая ее экспресс-свидание. – Ты не помнишь, кто такой Фемистокл?

– Фемистокл – это терминал, – ответил один из грузчиков.

– Терминал В, – уточнил второй.

– В самом деле? – Ли кокетливо провела пальчиком по своей шее. Шарлотта озабоченно смотрела на дочь.

– Фемистокл – это политик и военачальник Древней Греции, – сказал словно из ниоткуда взявшийся высоченный мужчина с папкой-планшетом. – В переводе с греческого его имя означает «Слава и Закон». Умер он в 459 году до нашей эры в Магнесии-на-Меандре.

На мгновение Шарлотта, Ли и носильщики замерли, переваривая информацию.

– Меня зовут Брайсон. – Мужчина важно расправил плечи.

⁴² С итальянского переводится как «восхитительное чудо».

⁴³ Американский криминальный телесериал, который является первым спин-оффом сериала «Закон и порядок».

⁴⁴ В древнегреческой мифологии царь Микен. Один из главных героев «Илиады» Гомера, со ссоры которого с Ахиллом поэма и начинается.

⁴⁵ Афинский государственный деятель, один из «отцов-основателей» афинской демократии, полководец периода Греко-персидских войн.

Шарлотта заглянула в верхнюю страницу на его планшете. Там был длинный список с пометками, озаглавленный *Часто задаваемые вопросы: ГРЕЦИЯ*. У Брайсона были крупные и ослепительно белые зубы. Взгляд Шарлотты скользнул по хорошо скроенной свободной рубашке, под которой угадывался мускулистый торс, ниже – пивное брюшко, а еще ниже – впечатляющая выпуклость под обтягивающими брюками. Она машинально улыбнулась, подумала, о боже, и повернулась к Ли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.